

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИЙМА Татьяна Ивановна

Выпускная квалификационная работа

**Языковая репрезентация эффекта социальной принадлежности в
английском языке**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа СВ.5055. «Иностранные языки»
Профиль «Английский язык»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра английской
филологии и лингвокультурологии,
Емельянова Ольга Витальевна

Рецензент:
доцент, Кафедра
английской филологии
и перевода,
Петрова Елена Серафимовна

Санкт-Петербург
2020

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Современные подходы к проблеме изучения социальной принадлежности	7
1.1 Понятие идентичности	7
1.1.1 Групповая идентичность	10
1.1.2 Структура групповой идентичности	11
1.2. Понятие принадлежности	14
1.2.1 Принадлежность в иерархии потребностей	16
1.2.2 Структура принадлежности	19
1.3. Понятия социальной идентичности и социальной принадлежности в аспекте оппозиции «свой-чужой».....	20
1.3.1 Ценности как категориальной признак оппозиции «свой-чужой»	26
1.3.2 Стереотипизация как способ социальной дифференциации.....	31
Выводы по главе 1.....	36
Глава 2. Языковая актуализация социальной принадлежности и её отсутствия в английском языке	37
2.1 Лексикографический анализ лексем, апеллирующих к социальной принадлежности.....	37
2.2 Способы языковой репрезентации социальной принадлежности в английском языке	40
2.2.1 Языковая репрезентация социальной принадлежности по возрастному признаку	41
2.2.2 Языковая репрезентация социальной принадлежности по национальному признаку	48

2.2.3 Языковая репрезентация социальной принадлежности по гендерному признаку.....	56
2.2.4 Языковая репрезентация социальной принадлежности по иным признакам.....	59
Выводы по главе 2.....	67
Заключение.....	68
Литература.....	70
Источники материала.....	76

Введение

В последние годы актуальным направлением в лингвистике становится изучение социальных аспектов языка. Одним из значимых понятий современной социолингвистики является понятие социальной принадлежности. Потребность *принадлежать* представляет собой одну из базовых потребностей человека и играет важную роль в формировании его идентичности. На протяжении всей жизни человек принадлежит к тем или иным группам социума, «вступает» в них или перестает быть их членом. Данные процессы, безусловно, находят отражение в языке.

Настоящая работа посвящена анализу лингвистических средств, используемых для репрезентации социальной принадлежности в английском языке.

Актуальность исследования обусловлена соответствием проблематики современной антропоцентрической парадигме с её особым интересом к языковому отражению различных аспектов социальных отношений, с одной стороны, и недостаточной изученностью языковой актуализации эффекта социальной принадлежности – с другой.

В качестве **объекта** исследования в настоящей работе выступает репрезентация эффекта социальной принадлежности в современном английском языке.

Предметом исследования являются языковые средства актуализации эффекта социальной принадлежности.

Цель работы заключается в выявлении способов языковой актуализации понятия социальной принадлежности в английском языке.

Достижение указанной цели подразумевает выполнение следующих **задач**:

- Рассмотреть современные подходы к изучению феноменов социальной идентичности и социальной принадлежности.

- Изучить явления социальной идентичности и социальной принадлежности в контексте оппозиции «свой-чужой».
- Осуществить отбор лексем, апеллирующих к социальной принадлежности, использовать данные лексем в качестве маркеров для поиска контекстов для анализа.
- Предложить классификацию отобранных контекстов по признаку, относительно которого осуществляется «включение» индивида в какую-либо группу или «исключение» из нее.
- Путем контекстуального анализа выявить языковые средства реализации социальной принадлежности и установить их прагматический компонент.

Теоретическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам идентичности (В.С. Агеев, Н.Ф. Алефиренко, К.М. Гайдар, Г. Тэшфел, Дж. Тернер, Э. Эриксон), принадлежности к группе (Е.П. Авдученская, Г.М. Андреева, И.С. Кон, А. Маслоу, В.В. Столин), оппозиции «свой-чужой» (О.В. Балясникова, Ф.М. Бородкин, О.В. Емельянова, Н.Л. Иванова), категории ценности (В.И. Беликов, Л.П. Крысин, Д.А. Леонтьев, И.А. Стернин), стереотипов (Е.Л. Вилинбахова, О.А. Гулевич, Л.Г. Почебут).

Материалом исследования послужили толковые словари английского языка, а также контексты, отобранные из языковых корпусов (the British National Corpus, the Corpus of Contemporary American English) и различных интернет-источников. В ходе исследования было проанализировано свыше 500 контекстов методом сплошной выборки, содержащихся в Corpus of Contemporary American English и в British National Corpus, а также из поисковой системы Google. В качестве наиболее показательных примеров в работе представлен 21 контекст.

В работе использованы следующие **методы** исследования: лингвистическое описание, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, прагма-коммуникативный анализ.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных языковому выражению оппозиции «свой-чужой», феномен социальной принадлежности и его языковая актуализация изучены в лингвистике не так широко. Тем не менее, значимость групповой принадлежности для членов социума определяет набор языковых механизмов, используемых для выражения эффекта принадлежности в языке. **Научная новизна** исследования определяется ранее не проводившимся комплексным анализом языковых средств репрезентации эффекта социальной принадлежности, связанной с отношениями включения (инклюзии) и исключения (эксклюзии) из социальной общности, а также привлечением к анализу обширного лингвистического и социологического материала.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов в курсах по социолингвистике английского языка.

Структура и **объем** работы предопределяются целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, выводов к ним и заключения. К работе прилагается список используемой литературы, включающий 61 наименование на русском языке и 9 на английском, а также список используемых словарей и источников примеров.

Глава 1. Современные подходы к проблеме изучения социальной принадлежности

1.1 Понятие идентичности

Понятие идентичности уже продолжительное время является объектом внимания науки, в частности таких научных отраслей, как психология и социология. Впервые термин «идентичность» был употреблён в работах британских философов Д. Локка и Д. Юма, однако более детальное изучение данного феномена относится к 20 веку – к периоду публикации работ Э. Эриксона [Сапожникова 2005: 14]. Понятие идентичности стало одной из главных тем общественной мысли 20 века в связи с наступившим периодом глобализации и ситуацией «кризиса идентичности» современного человека [Заковоротная 1999: 3].

В научный обиход термин «идентичность» был введен психологом Эриком Эриксоном. Результаты исследований идентичности нашли отражение в двух его главных работах – книгах «Детство и общество» (1950) и «Идентичность: юность и кризис» (1968). По мнению Э. Эриксона, идентичность индивида основывается «на ощущении тождества самому себе», с одной стороны, и «на осознании того факта, что тождество и непрерывность признаются окружающими», – с другой [Эриксон 1996: 59]. Таким образом, накопленный социальный опыт способствует осознанию идентичности субъекта. Помимо этого, понятию идентичности Э. Эриксон придаёт форму процесса, продолжающегося в течение всей жизни субъекта [Erikson 1950: 235]. С данным подходом Э. Эриксона связано и особое внимание ученого к изучению автобиографий.

Э. Эриксон рассматривает идентичность как сложное образование, структура которого объединяет три уровня: индивидуальный, личностный и социальный. Индивидуальный уровень связан с представлением человека о себе, личностный – с ощущением уникальности собственного жизненного опыта,

социальный – с солидарностью человека с идеалами и стандартами социума [Гайдар 2009: 149].

Социум для идентичности – конструкт, к которому она относится как часть группы. Таким образом, идентичность личности в полной степени может быть сформирована лишь в межгрупповом взаимодействии [Андреева 2000: 189].

Данные идеи Э. Эриксона послужили дальнейшим исследованиям в русле когнитивизма, в которых идентичность стала исследоваться как проблема межгрупповых отношений. Среди них наиболее значимыми являются работы Г. Тэшфела, разработавшего «теорию социальной идентичности» (Social Identity Theory – SIT), и его ученика и коллеги Дж. Тернера, выдвинувшего «теорию самокатегоризации» (Self-Categorization Theory – SCT).

По мнению Г. Тэшфела, осознание человеком собственного места в социальном мире прежде всего связано с отнесением себя к некой социальной группе. Данное осознание возможно посредством социальной категоризации, социальной идентификации и собственно социальной идентичности. Социальная категоризация подразумевает понимание социального мира как структуры, состоящей из различных групп. Социальная идентификация – результат «выбора» определенной группы индивидом. Наконец, социальная идентичность представляет собой полное и окончательное осознание принадлежности к выбранной на этапе идентификации группе. При этом, для идентификации себя с группой индивиду достаточно «минимального ощущения себя» её членом [Андреева 2001: 267].

Тем самым Г. Тэшфел опроверг концепцию «реального межгруппового конфликта», бытовавшую в американской психологии в 1960-70-х годах [Агеев 1990: 25]. Согласно данной концепции, автором которой выступил М. Шериф, необходимыми условиями межгрупповой дискриминации являются несовместимость целей и конфликт интересов. Однако представители европейской социологии во главе с Г. Тэшфелом с помощью различных экспериментов выявили «минимальную групповую парадигму» и доказали, что

реальный конфликт интересов для возникновения дискриминационного поведения необязателен [Андреева 2001: 267].

Как отмечает большинство исследователей социальной идентичности, с выдвиганием теории Г. Тэшфела процесс функционирования социальной идентичности неразрывно связан с понятиями категоризации и социального сравнения. Особую роль в изучении понятия категоризации (самокатегоризации) играют работы Дж. Тернера, по мнению которого, человеческий реальный статус определяют социальные категории, с которыми он себя идентифицирует. Согласно «теории самокатегоризации» Тернера, мир в сознании человека делится на различные социальные категории, некоторые из которых являются «широкими» (к ним относятся такие категории как раса, религия, класс и т.д.), другие – «узкими» (они могут создаваться на основании политических взглядов, интересов членов группы). «Узкие» категории могут также исчезать в зависимости от потребностей членов группы [Иванова 2003: 48].

Социальная категоризация представляет собой сложный процесс, в результате которого человек делит мир на «ингруппы» (in-groups) – те, к которым он относит самого себя, и «аутгруппы» (out-groups) – группы, к которым он себя не причисляет [Тернер 2003: 222].

Идентификация индивида с группой, а также оценка им собственной группы осуществляются посредством социального сравнения ценностно значимых характеристик признаков своей и других групп. Установленные в результате процесса сравнения положительные или отрицательные отличия своей группы от чужих способствуют соответственно повышению или понижению самооценки индивида. Таким образом, социальная идентичность может быть как положительной, так и отрицательной. При этом Дж. Тернер отмечает стремление индивида достичь и впоследствии закрепить позитивное отличие «ингруппы», а также готовность «поместить» себя в иную группу с целью обретения положительной оценки [Tajfel, Turner 2004: 284].

Современные исследования в области идентичности придерживаются основных положений рассмотренных нами когнитивных теорий и основываются на следующих принципах: мир воспринимается человеком через принадлежность к определенной группе; формирование какой-либо социальной группы (категории) происходит в случае, если два или более человека определяют себя с точки зрения ингрупповой-аутгрупповой категоризации [Агеев 1990: 23]. Таким образом, (социальная) идентичность неразрывно связана с проблемами группового взаимодействия, что послужило развитию феномена групповой идентичности.

1.1.1 Групповая идентичность

Феномен групповой идентичности вызвал активную полемику среди современных исследователей. Основным вопросом здесь стало отождествление понятий «социальная идентичность» и «групповая идентичность».

Начиная с работ Э. Эриксона традиционным является деление на личностную и социальную идентичности, которые образуют единую когнитивную систему – «Я-концепцию» [Агеев 1990: 206]. Увеличение количества эмпирических исследований, посвящённых данному вопросу, способствует выделению новых видов идентичности (профессиональная, гражданская, гендерная, этническая, семейная, конфессиональная и т.д.) и, следовательно, подразумевает использование исследователями различных научных подходов и концептуальных оснований [Лукиянов 2009: 5].

Ряд исследователей (В.И. Беликов, Л.П. Крысин, Е.В. Ерофеева и др.), вслед за Г. Тэшфелом и Дж. Тернером, в чьих работах сочетания “social identity” и “group identification” зачастую использовались в качестве синонимов, не разграничивает понятия «социальная идентичность» и «групповая идентичность». Однако в работах последних лет наблюдается тенденция к более четкой дифференциации указанных понятий.

Так, в частности, по мнению А.Г. Костинской, внутри социальной идентичности следует выделять различные уровни, одним из которых является

собственно групповая идентичность. Социальная и групповая идентичности обладают общими особенностями, среди которых – гомогенность ценностей, установок, целей участников группы и осознание ими членства в ней [Костинская 2003: 191]. Этой же точки зрения придерживается К.М. Гайдар, занимающийся исследованием понятия идентичности группового субъекта. Он предлагает различать следующие виды идентичности на групповом уровне данного феномена: социальная идентичность индивидуального субъекта, социальная идентичность группового субъекта, групповая идентичность индивидуального субъекта и групповая идентичность группового субъекта [Гайдар 2009: 150]. В понимании К.М. Гайдара, групповая идентичность связана с осознанием группы себя как отдельного субъекта.

Несколько иной подход к определению групповой идентичности имеет Ю.П. Платонов, согласно которому эффект «принадлежность к группе» является одним из основных групповых эффектов. Под групповыми эффектами понимаются «механизмы функционирования группы», с помощью которых выполняются групповые процессы и достигаются групповые состояния. Групповая идентичность в данном случае является «установкой на принадлежность к определённой группе» [Платонов 2008: электронная публикация].

Как результат проблемы соотношения социальной и групповой идентичностей в настоящее время наблюдается неоднозначная трактовка структуры идентичности – как социальной, так и групповой.

1.1.2 Структура групповой идентичности

Многомерность структуры групповой идентичности отмечается в работах многих современных исследователей. Как справедливо отмечает Н.Л. Иванова, причиной существования различных точек зрения относительно структуры идентичности является исследование данного феномена в русле нескольких научных направлений одновременно [Иванова 2003: 143].

Последователями теорий Г. Тэшфела и Дж. Тернера, не разграничивающими понятия социальной и групповой идентичности, в структуре социальной идентичности выделяется два компонента – когнитивный и аффективный. Первый из них неразрывно связан с групповой самокатегоризацией и подразумевает «отнесение субъектом восприятия себя к одной из групп и оценку себя как её типичного представителя» [Гулевич 2007: 45]. В то время как аффективный аспект содержит в себе ингрупповую идентификацию, т.е. восприятие субъектом ингруппы в качестве значимой, а также эмоциональное отношение человека к данной ингруппе. Помимо этого, структура социальной идентичности включает в себя центральные и периферические элементы.

Примечательно, что сами сторонники теории Г. Тэшфела считают двухкомпонентную структуру социальной идентичности одной из главных проблем теории социальной идентичности. По мнению О.А. Гулевич, такого рода структура способствует изучению содержания каждого компонента в отдельности, а не исследованию структуры в целом и взаимосвязи данных компонентов [Гулевич 2007: 104].

Попытка более четкого структурирования идентичности принадлежит современным исследователям, которые проводят различия между социальной и групповой идентичностями. На сегодняшний день в структуре групповой идентичности принято выделять три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Когнитивный и эмоциональный компоненты в данном случае соответствуют когнитивному и аффективному компонентам двухчастной структуры социальной идентичности.

Когнитивный компонент вновь отвечает за осознание субъектом своей принадлежности к группе [Андреева 2000: 184] и является результатом сравнения своей группы с другими группами (данный компонент выполняет основное положение «теории самокатегоризации» Дж. Тернера – социальное сравнение) [Платонов 2008: 1]. По мнению К.М. Гайдара, когнитивный компонент групповой идентичности является следствием *совместной*

познавательной деятельности, поскольку включает в себя принятие *общегрупповых* ценностей, целей и норм [Гайдар 2009: 150-151]. Именно за счёт взаимодействия членов группы и за счёт понимания индивидом общегрупповых задач как своих собственных происходит осознание себя «членом группы».

Эмоциональный (чувственный) компонент групповой идентичности тесно связан с когнитивным и представляет собой переживание своей принадлежности к группе со стороны субъекта [Платонов 2008: 2]. Такого рода переживание проявляется в виде различных чувств (гордости или стыда, любви или ненависти), которые объединяются в так называемое чувство «Мы».

Поведенческий компонент в структуре групповой идентичности, который не входил в компонентный состав социальной идентичности, подразумевает реакцию индивида на членов других групп с позиции собственного «группового членства» – принадлежности к определённой группе, а также выявление существенных различий между «своей» и «чужой» группами [Платонов 2008: 2]. Поведенческий компонент выражается посредством воспроизведения субъектом жестикულიции и мимики, присущих членам своей группы, подражания стилю их поведения [Гайдар 2009: 151].

В некоторых исследованиях поведенческий компонент обозначается как ценностный компонент, поскольку он предполагает «наличие позитивных или негативных коннотаций принадлежности к определённой группе» [Андреева 200: 184], а также оценку собственного участия в деятельности группы, содействие групповым успехам и неудачам. Помимо этого, за счёт поведенческого компонента становится возможным предотвращение нежелательного поведения членов группы [Авдоница 2017: 130].

Как видно, групповая идентичность имеет сложную структуру, в которой выделяются компоненты, связанные с «деятельностью» носителя идентичности – субъекта [Гайдар 2009: 150]. На сегодняшний день прослеживается разноплановость суждений относительно определения идентичности и её структуры в русле разнообразных научных исследований.

Следует отметить, что современный этап изучения феномена идентичности отличается также попытками объединить основные положения крупнейших теорий, созданных в середине 20 века. Речь идёт о рассмотренной нами ранее теории социальной идентичности, а также о теории социальных представлений С. Московичи, развивающейся параллельно с теориями Г. Тэшфела и Дж. Тернера. Основным положением направленной на изучение межличностного взаимодействия теории С. Московичи является существование категории «социальное представление», с помощью которого субъект воспринимает окружающие его явления и процессы. Сопоставительный анализ теории социальной идентичности и теории социальных представлений, проведённый Г. Бреквелл, показал, что объединение данных теорий может способствовать развитию нового взгляда на межгрупповые отношения, созданию новых парадигм и иного анализа структуры понятий «идентичность» и «представление» [Breakwell 1993: 17].

1.2. Понятие принадлежности

Как было установлено ранее, мир воспринимается человеком через принадлежность к определённой группе [Андреева 2001: 267]. На сегодняшний день большинство исследователей феномена (социальной) идентичности определяют это явление как «осознание, ощущение, переживание своей *принадлежности* к различным социальным общностям <...> малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом» [Ядов 1995: 159], тем самым неразрывно связывая, а зачастую даже отождествляя, понятие идентичности с понятием принадлежности. Такого рода отождествление происходит за счёт того, что чувство принадлежности осуществляет такие значимые социальные и психологические функции как групповая защита, критерии оценки и самооценки [Балич 2013: 219]. Данные функции, в свою очередь, являются факторами, с помощью которых индивид формирует свою идентичность. Таким образом, чувство принадлежности можно считать

неотделимым компонентом идентичности, будь то личностная идентичность, или социальная (групповая) идентичность. Любопытно, что в то же время установление социальной принадлежности субъекта представляется невозможным, не принимая во внимание его идентичность, из чего следует, что идентичность и принадлежность являются взаимозависимыми понятиями.

Процесс формирования чувства принадлежности в социуме происходил в несколько этапов. Ряд исследователей (А.Н. Леонтьев, И.С. Кон и др.) связывает этот процесс с «персонализацией» человека – с развитием в нём личностного начала, которое представляет собой результат эволюции человеческой деятельности и человеческих отношений [Столин 1983: 57]. Так, И.С. Кон выделяет несколько стадий формирования социальной принадлежности и связывает их с изменением типа общества. Зарождение чувства «личностной» принадлежности, а как следствие и «общественного» чувства, относится к периоду развития древнегреческой цивилизации. Однако наиболее четко общественное (групповое) начало проявилось в период средневековья, когда человек стал неразрывно связан со своей общиной, а манеры и поступки индивида зависели от его классовой принадлежности. Концу средневековья и началу эпохи Возрождения приписывается новый этап развития социальной принадлежности, а точнее, – её приостановление, связанное с зарождением капиталистических отношений. По мнению И.С. Кона, в результате процессов «деперсонализации и деиндивидуализации», которыми был ознаменован период становления капитализма, произошёл рост «значения личностного начала» и временное «замирание группового (классового)» [Кон 1984: 99]. Возрождение и расцвет чувства социальной принадлежности сопряжены со сменой капиталистического строя на социалистический (коммунистический), когда личностное перестало превалировать над общественным. Согласно И.С. Кону, именно коммунистическое общество было заинтересовано в том, чтобы каждый член обладал чувством как личностной, так и социальной принадлежности [Столин 1983: 57]. Как видно, исследователь соотносит процесс формирования

социальной принадлежности со сменой общественного строя (на усиление чувства принадлежности повлияли переход от феодализма к капитализму, а затем к социализму).

Данной точки зрения придерживался также социолог Э. Дюркгейм, исследовавший структуры «социальной сущности» личности. По мнению учёного, «социальная сущность» индивида, которая заключается в отражении его групповой принадлежности (моральных норм и принципов, религиозных верований и т.д.), «передается в процессе социализации от поколения к поколению» [Дюркгейм 1991: 75]. Таким образом, привязанность индивида к общине, наблюдавшаяся на ранних этапах развития человечества, в процессе эволюции преобразовалась в чувство социальной принадлежности: появление и увеличение числа социальных функций способствовало развитию чувства принадлежности не только к «однородной общине», но и одновременно к иным группам (таким как – друзья, родственники, коллеги по работе, деловые партнеры и т.д.). Как результат, на сегодняшний день учеными отмечается расширение круга принадлежностей. В современной социологии выделяют расовую, половую, классовую, религиозную и др. принадлежности [Кон 1984: 42].

1.2.1 Принадлежность в иерархии потребностей

Проанализировав процесс установления социальной (групповой) принадлежности, представляется важным выяснить, какое место в иерархии человеческих потребностей занимает чувство принадлежности. Для этого необходимо рассмотреть две наиболее известные в современной науке модели потребностей человека, разработанные А. Маслоу и К. Альдерфером. Данные модели представляют собой положения одной из теорий мотивации, а именно – теории иерархии потребностей (the Hierarchy of Needs Theory).

Модель человеческих потребностей А. Маслоу представляет собой так называемую пирамиду потребностей, состоящую из пяти ступеней: физиологические потребности, потребности безопасности и защиты,

потребности принадлежности и любви, потребности самоуважения, потребности самоактуализации, или потребности личного совершенствования [Хьелл 2008: 487]. Внизу пирамиды расположены доминирующие потребности (физиологические – удовлетворение голода и жажды; потребности в безопасности – комфорт и постоянство условий жизни), в то время как верхние ступени пирамиды занимают когнитивные («мотивированные») потребности (потребности самоуважения – достижение успеха; духовные потребности – познание, самовыражение) [Maslow 1970: 35, 46].

На третьем уровне пирамиды потребностей А. Маслоу находятся социальные потребности, которые заключаются в желании человека общаться, иметь социальные связи и быть «принятым» социумом, т.е. обладать чувством принадлежности.

Следует отметить, что главным принципом теории А. Маслоу является последовательное расположение базовых человеческих нужд. По мнению ученого, потребности одного типа (одной ступени) должны быть полностью удовлетворены «прежде, чем другая, расположенная выше, потребность проявится и станет действующей». Следовательно, для достижения потребностей самоуважения и самоактуализации необходимо предварительно реализовать физиологические потребности, потребности безопасности и потребности принадлежности и любви.

Как видно, исследуемый нами феномен принадлежности является важным компонентом модели человеческих потребностей А. Маслоу. Социальная принадлежность представляет своего рода связующее звено между физиологическими нуждами индивида и его духовными стремлениями, из чего следует, что выполнение когнитивных потребностей представляется невозможным без осознания человеком своей принадлежности к социальным общностям (различным группам).

Модель потребностей К. Альдерфера, автор которой основывал свои исследования в первую очередь на теории А. Маслоу, представляет собой трехкомпонентную структуру, состоящую из следующих потребностей:

потребность существования (existence); потребность связи (relatedness), которая заключается в необходимости общаться с другими; потребность роста (growth) [Alderfer 1972: 2].

Согласно утверждениям самого К. Альдерфера, выделенные им потребности аналогичны тем, которые нашли отражение в модели А. Маслоу: потребность существования из теории К. Альдерфера можно соотнести с физиологическими потребностями в работе А. Маслоу, потребность связи – с социальными потребностями, а потребность роста является референтной по отношению к потребностям самоуважения и самоактуализации [Huit 2007: электронная публикация].

Главное и принципиальное отличие модели К. Альдерфера от модели А. Маслоу заключается в расположении потребностей и в «движении по иерархии». В теории А. Маслоу данное движение может происходить лишь снизу вверх (удовлетворение потребностей низших ступеней обеспечивает переход к потребностям высших уровней), в то время как модель К. Альдерфера характеризует возможность движения в разные стороны: «если не удовлетворена потребность нижнего уровня, то движение идет вверх, если не удовлетворена потребность более высокого уровня, то движение идет вниз» [Гвоздева 2016: 21].

Любопытно, что, как и в случае с теорией социальной идентичности и теорией социальных представлений, ряд современных исследователей считает возможным объединение моделей потребностей человека, созданных А. Маслоу и К. Альдерфером. Так, в работах В. Хьюитта содержится предположение, что реорганизация иерархий, разработанных А. Маслоу и К. Альдерфером, позволит достичь нового взгляда на проблему. По мнению В. Хьюитта, при создании универсальной модели потребностей человека необходимо учитывать фактор интроверсии – экстраверсии. Данный показатель измерения черт личности позволяет учитывать разницу в поведении людей, что является важным критерием для определения общечеловеческих нужд. В. Хьюитт в качестве переосмысленной модели предлагает использовать

структуру К. Альдерфера, каждая ступень которой должна иметь два «измерения» – в зависимости от компонента интроверсии – экстраверсии [Huitt 2007: электронная публикация].

Важно отметить, что новые подходы к изучению теории иерархии потребностей не повлияли на компонентный состав модели. Анализируемое нами чувство принадлежности является одним из ключевых элементов как моделей человеческих потребностей А. Маслоу и К. Альдерфера, так и модернизированных моделей, что подтверждает тот факт, что социальная принадлежность является одной из базовых потребностей человека и играет важную роль в формировании его идентичности.

1.2.2 Структура принадлежности

Взаимозависимость и соотношение понятий идентичность и принадлежность стали результатом того, что в настоящий момент групповая принадлежность рассматривается большинством исследователей как социальная установка с трехкомпонентной структурой, аналогичной структуре групповой идентичности. Так, групповая принадлежность включает в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты.

В современной психологии были предприняты попытки проанализировать формы принадлежности. В частности, в ходе эмпирических исследований Е.П. Авдуевской, направленных на выявление компонентов групповой принадлежности среди участников эксперимента (в качестве респондентов ученым были выбраны школьники, средний возраст которых составлял 15 лет), было выделено шесть возможных форм групповой принадлежности: позитивная, негативная, отстраненная, когнитивная, аффективная, поведенческая [Авдуевская 1990: 148].

Данная классификация форм групповой принадлежности в работе Е.П. Авдуевской создана на основе характера восприятия респондентами своего членства в группе и определяет отношение (удовлетворение, недовольство, отстранение и т.д.) опрашиваемых к группе, к которой они принадлежат.

Однако на наш взгляд, правомерность такого рода классификации должна быть подтверждена более подробным анализом изменения самовосприятия членов группы. Тем не менее, полученные в ходе исследования Е.П. Авдученковой выводы имеют важное значение для дальнейшего изучения феномена принадлежности. В частности, эксперименты еще раз подтвердили, что процесс формирования групповой принадлежности происходит за счет категоризации участников социального мира на «своих» и «чужих», на «Мы» и «Они».

1.3. Понятия социальной идентичности и социальной принадлежности в аспекте оппозиции «свой-чужой»

Изучение социальной принадлежности базируется на концепции межгрупповой дифференциации. Иными словами, для определения социальной (групповой) принадлежности индивида, для выявления его идентичности, человеку необходимо систематизировать социальный мир.

Одним из основных способов категоризации мира вокруг себя является разделение его участников на «своих» и «чужих» (на «Мы» и «Они»). Данная оппозиция получила широкое распространение в современной науке. Как справедливо отмечает О.В. Балясникова, на сегодняшний день такого рода противопоставление «может проявлять себя в разнообразных отношениях в зависимости от того, предметом какой науки становится» [Балясникова 2003: 45]. Так, в нашей работе оппозиция «свой-чужой» будет рассматриваться с точки зрения её значения в формировании чувства социальной принадлежности.

По аналогии с чувством принадлежности формирование представления о «своем» и «чужом» относится к древности. В концепции структуры коллективных представлений, предложенной В.Б. Иорданским, говорится, что сознанию древних людей была свойственна дуалистичность: «окружающий микрокосм раскрывался перед обществом как единство противоположностей» [Иорданский 1982: 27]. Согласно утверждениям Т.Г. Стефаненко, именно первобытным людям принадлежит стремление упорядочить окружающий мир

при помощи таких бинарных оппозиций, как небо-земля, день-ночь, жизнь-смерть, животное-человек, свой-чужой и т.д. [Стефаненко 2000: 50]. Деление социального окружения на понятных и похожих на себя («своих») и на непонятных и непохожих («чужих») имело важное значение, служило «механизмом адаптации и выживания» [Крушельницкая 2015: 213]. Оно выполняло не только ассимилятивную функцию (существование среди «своих»), но и способствовало реализации человеческой сущности, выявлению социальной идентичности индивида.

Представляется, что этим определена тесная взаимосвязь таких понятий, как идентичность, принадлежность, категоризация, оппозиция «свой-чужой».

В основе проанализированной нами ранее теории социальной идентичности Г. Тэшфела лежит идея о наличии у индивида определенных социальных характеристик, демонстрирующих его членство в группе. Выявление подобных характеристик возможно исключительно посредством социального сравнения, которое в свою очередь базируется на сопоставлении «своей» группы и «чужой». По мнению Н.Л. Ивановой, дифференциация собственной группы от чужой «путем оценивания членов своей группы по отношению к другим» является ключевым фактором в формировании чувства принадлежности у индивида [Иванова 2003: 50].

Данной позиции придерживается Г.М. Андреева, согласно которой сравнение «своей» и «чужой» групп, нахождение положительных отличительных черт «своей» группы способствует «обогащению представлений об устройстве мира», что в свою очередь влияет на развитие социальной идентичности у индивида [Андреева 2000: 186]. Следовательно, механизм социального сравнения, который является важным компонентом формирования чувства социальной принадлежности, возникает при сопоставлении групп: при четкой идентификации индивида с понятием «Мы» и при ясном определении понятия «Они». Как утверждает Г.М. Андреева, для успешного социального сравнения необходимы «надежные отличительные черты» своей и чужой групп [Андреева 2000: 186]. Такого рода «надежность» может передаваться от

поколения к поколению за счет различных представлений (мифов), а также в виде коллективной деятельности [Балясникова 2003: 24].

Как видно, бинарная оппозиция «свой-чужой» является важным условием для определения социального статуса индивида и для установления межгрупповых отношений. Значение категоризации «свой-чужой» в теории социальной принадлежности определяется также тем, что данная оппозиция представлена в поведенческом компоненте групповой идентичности.

По справедливому замечанию О.В. Емельяновой, оппозиция «свой-чужой» связана с отношениями включения (инклюзии) и исключения из социальной общности (экслюзии) [Емельянова 2020].

Термины «инклюзия» и «экслюзия» получили широкое употребление в современных исследованиях, посвященных процессу включения иммигрантов в принимающее их общество. Начиная с 1970-х гг. понятием экслюзии обозначались социально незащищенные категории населения. В этом случае значение экслюзии становится тесно связано с проблемами бедности и уровня жизни. На наш взгляд, понятие социальной экслюзии является более широким. Как верно считает Ф.М. Бородкин, «социальная экслюзия может быть связана не только с бедностью, но и культурно-этническими, экономическими, религиозными обстоятельствами» [Бородкин 2000: 6].

В основе феноменов инклюзии и экслюзии лежат понятия идентификации и категоризации. Инклюзия определяется как процесс вовлечения «своих» в коллективную деятельность (т.е. как процесс идентификации членов социума и принятия их в свою группу), в то время как экслюзия представляет собой способность дифференциации «чужих» (т.е. способность категоризировать мир вокруг себя). Существование инклюзии возможно только в случае наличия экслюзии [Луман 2010: 37]. Если индивиду не удастся адаптироваться к социуму, то он испытывает чувство одиночества и тем самым становится «жертвой» социальной экслюзии [Маслиева 2014: 163].

Важно отметить, что конечный результат процесса инклюзии зависит одновременно от нескольких факторов. Прежде всего, от личного желания

индивида принять традиции и нормы социальной группы, членом которой он намеревается быть. Однако немаловажным показателем является готовность социальной среды принять нового члена, который до определенного момента был «чужим» для системы.

Согласно мнению большинства социологов, процесс включения-невключения субъектов в социальную общность является неизбежным с точки зрения эволюции. Развитие общества происходит за счет культурного взаимодействия, которое в свою очередь обусловлено обменом накопленного опыта. Передача опыта, «трансляция образцов поведения» возможны только в условиях социализации, в связи с чем можно констатировать, что «инклюзия направлена против одиночества как дискриминирующего фактора, полностью исключаящего или тормозящего развитие» общества [Суворов 2013: 100]. В то же время механизм приобретения опыта не должен сказываться на целостности сообщества; полученные в процессе взаимодействия знания не должны влиять на ценности и нормы среды. В таком случае наблюдается функционирование эксклюзии, которая выступает за сохранение личностных или групповых принципов, демонстрируя неготовность социума принять нетипичный объект в свою систему [Бородкин 2000: 6]. Благодаря действию данного принципа инклюзии-эксклюзии на сегодняшний день мы наблюдаем успешное развитие культур различных народов [Петров 2019: 131].

На основании этого можно сделать вывод, что без различения «своих» и «чужих», «без предоставления тех или иных преимуществ “своим” перед “чужими”» человечество не могло бы развиваться [Бородкин 2000: 5].

Оппозиция «свой-чужой» с давних пор привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов, которые активно занимаются изучением лингвистических средств её актуализации. По мнению большинства из них, в актуализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» участвуют средства всех уровней языка (лексического, морфологического и синтаксического) [Алиева 2013: 4].

В качестве наиболее распространенного способа противопоставления

«своей» социальной группы «чужой» выступают антонимы, которые содержатся в названии самой оппозиции. При описании «своей» группы используются лексемы, имеющие положительную семантику, за счет чего автор высказывания наделяет свою группу позитивной оценкой; в то время как события, связанные с «чужой» группой, приобретают негативную характеристику, т.к. представлены с помощью лексем с отрицательной коннотацией.

Следует отметить, что для категоризации социального мира на «своих» и «чужих» наряду со значениями, полярность которых закреплена в языке, используются контекстуальные антонимы – противопоставления, которые носят индивидуально-авторский характер. Как верно отмечает Л.А. Новиков, «ощущение и восприятие противоположности в значительной степени зависят от возраста, степени развития, специальности человека, вообще от его опыта, а также от климатических, географических, социальных и других условий» [Новиков 1973: 17].

В работе О.В. Балясниковой антонимы характеризуется как набор языковых оппозиций, среди которых можно выделить: оппозиции прямой конкретизации (например, мы – они), оппозиции пространственных отношений (близкий – далекий), аффективно-социальные и социальные оппозиции (родной – посторонний, друг – враг), оценочные оппозиции (хороший – плохой) и т.д. [Балясникова 2003: 68].

Среди морфологических средств, используемых для репрезентации социальной оппозиции «свой-чужой», выделяют притяжательные и личные местоимения первого лица множественного числа (we, our, us), которые выступают в качестве элемента самосознания общности членов группы [Королева 2017: 86]. По мнению А.Б. Пеньковского, помимо положительных характеристик, выраженных посредством оценочных прилагательных, «свой мир» представлен как «мир имен собственных», или «мир форм единственного числа со значением единичности». Использование имен собственных и существительных в форме единственного числа позволяет представить свою

группу как уникальную, единственную в своем роде. Мир «чужих», напротив, наделен «нарицательными именами множественного числа» и показан как нечто обобщенно-чужое – генерализированный враждебный мир [Пеньковский 1989: 57].

Репрезентация социальной идентичности группы «своих» с помощью синтаксических средств наиболее явно выражена в политическом дискурсе, исследователи которого анализируют официальные выступления различных политических деятелей. В число синтаксических средств, участвующих в создании бинарной оппозиции, входят: прямой параллелизм, парантезис, лексический повтор, риторические вопросы, инверсия [Королева 2017: 87]. В политическом дискурсе синтаксические конструкции выполняют функцию воздействия, в связи с чем ряд лингвистов характеризуют их как «персуазивные» [Ехлакова 2017: 83].

Любопытно, что помимо набора лексических, морфологических и синтаксических средств, в реализации оппозиции «свой-чужой» могут участвовать также так называемые «специальные языки». Так, А.Б. Пеньковский считает, что границы между «своей» и «чужой» группами можно создать при помощи «профессионального языка, корпоративных жаргонов, тайных языков» и т.д. [Пеньковский 1989: 57].

Как показал анализ, при изучении языковых средств актуализации оппозиции «свой-чужой» исследователи часто обращаются к проблеме культуры и сознания.

Нельзя забывать, что оппозиция «свой-чужой» формируется на основании присутствующих в социуме ценностей, установленных членами общества норм, и существует за счет действия соответствующих стереотипов. Человек осознает себя частью коллектива, в случае если он разделяет ценности определенной группы и причастен к её опыту. В данной ситуации индивид стремится сохранить принадлежность к данной общности, поскольку посредством существования в ней он «удовлетворяет свою потребность в эмоциональном отклике и формировании положительной самооценки» [Балясникова 2003: 44].

Таким образом, в основе процесса категоризации окружающего мира, а также процесса инклюзии-эксклюзии важную функцию имеют групповые традиции (ценности) и стереотипы.

1.3.1 Ценности как категориальной признак оппозиции «свой-чужой»

Отождествление себя с какой-либо группой происходит на основе различных факторов. Одним из наиболее важных дифференциальных признаков являются групповые ценности. Не случайно ряд социологов включает категорию ценностей в дефиницию понятия идентичность. Так, В.И. Беликов и Л.П. Крысин предлагают следующее определение идентичности: «психологическое соотнесение себя с социальной группой, с членами которой индивид разделяет определенные нормы, *ценности*, групповые установки» [Беликов 2001: 134]. Из этого следует, что система ценностей формирует сознание членов общества, определяет «внутренний стержень» культуры и истории народа [Серебренникова 2011: 17].

Феномен ценности интересовал философов с античных времён, однако в науке понятие ценности закрепилось лишь в 60-х годах XIX века. Традиционно введение ценности как философской категории в науку связывают с именем немецкого философа Г. Лотце, определявшего ценность как «значимость чего-либо в отличие от существования объекта или его качественных характеристик» [Дробницкий 1967: 8]. С тех пор проблема исследования ценностей относится к междисциплинарным вопросам науки. На сегодняшний день данный феномен изучается в рамках философии, истории, социологии, психологии, лингвистики и др. В настоящей работе это понятие будет рассматриваться, прежде всего, с социолингвистической точки зрения.

Довольно распространенным в социологии является понимание ценностей как «целей человеческой деятельности», ориентирующих человека и детерминирующих нормы его поведения [Бабаева 2004: 4-5]. Так, И.А. Стернин рассматривает ценности как социально-психологические идеи и взгляды, которые разделяются обществом и наследуются каждым новым поколением и

являются образцом для подражания и воспитания [Стернин 2006: 20]. Следовательно, ценности представляют собой принятые членами определенного социума нормы и ориентиры, которые передаются от поколения к поколению. Когда индивид разделяет ценности конкретной социальной группы, он категоризирует членов общества с позиции «наши» (те, кто имеет те же ценности, что и я) и «не наши» (те, чья система ценностей отлична от моей), вследствие чего у человека усиливается чувство социальной принадлежности. Важно отметить, что изначально ценности представляли собой систему «деятельностей и общественных отношений», образ жизни конкретной общности [Леонтьев 1996: 11], т.е. для первых носителей ценностей они не имели значимый характер, а лишь впоследствии стали важными ориентирами среди членов социальной группы.

Исследователи сходятся во мнении, что ценности формируют структурированную систему, имеющую иерархическую организацию. Существует различные подходы к классификации ценностей. Так, с формальной точки зрения выделяются позитивные и негативные, субъективные и объективные ценности. По способу существования ценности подразделяют на материальные, духовные, духовно-материальные [Серебренникова 2011: 29]. В рамках этой же оппозиции (духовное – материальное) лежит несколько более детальная классификация Н.Ф. Алефиренко, отметившего следующие типы ценностей: витальные, социальные, политические, моральные, религиозные, эстетические [Алефиренко 2010: 9]. В зависимости от области существования выделяются этнонациональные, социально-политические, индивидуально-личностные ценности [Серебренникова 2011: 29]; а также – сословно-классовые и семейные ценности [Алефиренко 2010: 9-10].

В.И. Карасик выделяет две группы ценностей – внешние и внутренние. При этом, ко внешним автор относит социально-обусловленные ценности, а ко внутренним – персонально-обусловленные, указывая, однако, на отсутствие четко очерченной границей между ними [Карасик 2002: 116-117].

Предпринимая попытку комплексного осмысления ценностей, В.И. Карасик предлагает модель ценностной картины мира как аспекта языковой картины мира. Ценностная картина мира объединяет в себе «взаимосвязанные оценочные суждения, соотносимые с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными, литературными сюжетами» и характеризуется наличием наиболее значимых для данной культуры смыслов – так называемых культурных доминант [Карасик 2002: 187].

Интересной, на наш взгляд, является классификация ценностей, созданная Д.А. Леонтьевым, который предлагает выделять следующие формы ценностей: ценность как знание; ценность как действие, к которому стремятся; ценность как личные идеалы; ценность как критерий моральной оценки и нравственной позиции индивида [Почебут 2010: 157]. Первая форма ценностей представляет собой знания об общественных идеалах – «обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни». Ценность как действие, к которому стремятся, включает в себе предметное воплощение идеалов социума. По мнению Д.А. Леонтьева, ценностные идеалы осуществляются за счет человеческой деятельности, которая в свою очередь может быть благородной и бескорыстной [Леонтьев 1996: 16]. Третья форма ценностей – ценность как личные идеалы – отвечает за те образцы поведения, которые побуждают индивида к процессу деятельности, к созданию продукта деятельности (произведения). Согласно Д.А. Леонтьеву, набор данных произведений являет собой культуру человечества. Наконец, последняя форма ценностей – ценность как критерий моральной оценки и нравственной позиции индивида – характеризует межличностные отношения, влияет на позицию индивида в отношении выбора друзей и т.д. [Леонтьев 1996: 17]. Таким образом, данная форма участвует в создании оппозиции «свой-чужой», которая в свою очередь формирует чувство социальной принадлежности.

Следует помнить, что любые нарушения в иерархии ценностей, утрата традиционных нравственных ориентиров ведут к социальной нестабильности в

обществе и к кризису социальной идентичности. В науке «ломку социальных представлений» принято обозначать термином «культурный шок». Результаты культурного шока могут крайне негативно сказываться на развитии общества и быть причиной войн и революций, что еще раз подтверждает значимость ценностей в познании социального мира [Андреева 2000: 264].

Говоря о феномене ценности, необходимым представляется разграничить смежные понятия ценности и оценки. Понятие оценки неразрывно связано с аксиологией, однако в отличие от аксиологии, оценка отражает не только ценности, но и анти-ценности [Мед 2008: 9].

С одной стороны, оценка понимается как форма существования ценностей [Алефиренко 2010: 99]. С другой стороны – как когнитивный процесс, в результате которого устанавливается ценностное отношение между представлением об объекте действительности и самим объектом [Арутюнова 1988: 61-62]. Различают оценки на уровне сознания и бессознательные оценки. Если бессознательная оценка является собой, по большей части, лишь эмоциональное осмысление объекта, то на уровне сознания оценка объекта представляет процесс его сопоставления с системой ценностей индивида [Серебренникова 2011: 11].

Как видно, понятие оценки также играет важную роль в процессе категоризации социальной среды, поскольку является одним из критериев социального сравнения, с помощью которого индивид производит сопоставительный анализ и осознает свою принадлежность к той или иной группе.

Важно отметить, что система ценностей выступает как объект многих исследований в области лингвокультурологии. Ввиду постоянного взаимодействия языка и культуры, язык обладает функцией формирования личности носителя, развивает «систему ценностей, мораль, поведение, отношение к людям» индивида и тем самым определяет его принадлежность к конкретному социокультурному сообществу [Гибатова 2011: 129]. Таким

образом, с помощью языка субъект ориентируется в мире собственных ценностей, с одной стороны, и ориентирует в нем других субъектов – с другой.

В речи имеет место не само формулирование ценности, а выражение мнения или убежденности говорящего, построенных на основе его ценностных ориентиров и представлений, вне зависимости от дискурсивного пространства [Серебренникова 2011: 13]. Следовательно, одним из важнейших источников получения информации о ценностных ориентирах человека является именно речь, поскольку с помощью нее индивид выражает свои внутренние состояния [Наумова 2016: 238].

Среди основных способов отражения системы ценностей в языке лингвисты выделяют категорию языковой оценки. Как отмечает Г.Ф. Гибатова, «оценочные значения могут получать выражение на всех уровнях языковой системы» [Гибатова 2011: 131]. В первую очередь, категория оценки актуализируется в языке за счет эмотивного компонента в семантической структуре лексических единиц. Каждый язык имеет свой набор эмотивных лексем, при этом некоторые из них могут приобретать оценочные смыслы только в определенном контексте. «Оценочной структурой» в содержании лексического значения слова выступает коннотация [Наумова 2008: 65].

Помимо эмотивной лексики, к оценочным значениям принято также относить тип предикатных отношений. Существует несколько классификаций оценочных предикатов, в нашей работе будет рассмотрена наиболее известная из них, автором которой является Л.М. Васильев. Л.М. Васильев выделяет три класса оценочных предикатов – модально-оценочные, общеоценочные и частнооценочные. Первые из них выражают оценку говорящего с позиции возможности и необходимости (*надо, следует, необходимо*). Общеоценочные предикаты отличаются своей структурой, в которой отсутствуют «дескриптивные смыслы (*плохой, хороший и т.д.*). Наконец, частнооценочные предикаты выражают различные впечатления, оценку, связанную с удовлетворением различных чувств (*благоприятный, неприятный, честный, невыгодный и т.д.*) [Васильев 2006: страница].

Как видно, категория ценности является сущностной характеристикой языка. С помощью различных лингвистических средств люди репрезентируют свои ценностные ориентиры, а следовательно, и свое отношение к окружающей среде.

Таким образом, ценности являются одним из наиболее значимых категориальных признаков, способствующих разделению окружающего мира на «своих» и «чужих». В то же время они выполняют важную функцию в формировании мирового сообщества, т.к. создают чувство социального единства и обеспечивают общество ценностными ориентирами, набором правил и определенных норм.

1.3.2 Стереотипизация как способ социальной дифференциации

В качестве важного категориального признака, способствующего делению социального мира на «своих» и «чужих», выступают стереотипы.

Начало изучения стереотипов связано с именем американского психолога У. Липпмана, который ввел понятие стереотипа в научный обиход в 1922 году. Будучи политическим комментатором У. Липпман заметил, что многие политические деятели основывают свои решения на известных представлениях о членах различных социальных групп. Данные представления У. Липпман назвал стереотипами, вследствие чего в социологии и психологии традиционным является следующее понятие стереотипа: стереотип – «набор черт, приписываемых членам определенной социальной группы» [Гулевич 2007: 147].

Современные исследователи отмечают многогранность феномена «стереотип», сложность определения которого связана с большим количеством научных работ, где данное понятие рассматривается с разных точек зрения [Красных 2003: 230]. Однако в трудах отечественных и зарубежных ученых можно определить этапы изучения стереотипов. Как отмечает О.А. Гулевич, первые исследования стереотипов были посвящены «демонстрации их существования» и их влиянию на поведение людей, в то время как авторы

более поздних научных работ уделяют внимание свойствам стереотипов и их динамике [Гулевич 2007: 147].

Формирование стереотипов происходит на основе социального опыта и связано с повторяемостью определенных ролевых признаков, таких как поведение, манера говорить, жестикулировать и т.д. [Беликов 2001: 130]. Как видно, в данной критерии стереотипы имеют сходство с ценностями, которые также образуются в результате накопленного опыта и сказываются на действиях членов социума.

Среди важных функций стереотипов можно назвать их способность создавать «упорядоченные картинки мира» в сознании индивида, которые позволяют быстро воспринимать социальную информацию и в то же время являются механизмами хранения существующих ценностей [Красных 2003: 231]. По мнению Л.Г. Почебут, именно поэтому мы прибегаем к стереотипизации, когда испытываем недостаток информации [Почебут 2010: 145].

На сегодняшний день существует множество классификаций стереотипов, наиболее популярные из которых: типология по субъекту восприятия; деление по объекту и деление по содержанию.

По субъекту восприятия различают социальные и индивидуальные стереотипы, первые из которых включают в себя характеристики, приписанные членам стереотипизированной группы большинством людей, в то время как последние – приписанные конкретным человеком [Hewstone 1986: 18].

По объекту стереотипы делятся на аутостереотипы и гетеростереотипы в зависимости от того, члены какой группы характеризуется: аутостереотипы применяются, когда речь идет о членах ингруппы, гетеростереотипы используются по отношению к участникам аутгруппы. Главным принципом данной классификации является суждение о том, что стереотипы, которые члены группы приписывают самим себе, не совпадают с теми, которые сложились о них у членов других групп [Гулевич 2007: 149].

Наконец, по содержанию принято различать стереотипы, которые включают в себя все характеристики, свойственные членам данной группы, и те черты, которые отличают членов данной группы от всех других групп [Biernat 1994: 664].

Для того, чтобы определить значение стереотипов в формировании чувства социальной принадлежности, необходимо проанализировать, какую роль выполняют стереотипы в процессе становления социальной идентичности. Наиболее наглядно это продемонстрировано в таблице, предложенной И.Ю. Дьяконовым и М.Л. Бутовской (см. Таблицу 1).

Критерий	Этап групповой идентификации		
	первый	второй	третий
Форма существования идентичности	Ярлык, принятые объективные признаки членства	Принятые нормы поведения и стереотип группы	Принятие ценности группы
Источник информации об идентичности	Члены аутгрупп	Члены ингруппы	Процесс рефлексии своих ценностей
Процесс формирования идентичности	Отнесение к себе оценок аутгруппы	Сближение образа «Я» и стереотипа ингруппы	Сознательное приобщение к ценностям ингруппы
Поведение индивида	Ориентация на аутгрупповые оценки	Усвоение норм и моделей поведения, принятых в группе	Воспроизведение норм и форм поведения, принятых в группе
Условие возникновения идентичности	Наличие у человека объективных, заметных признаков принадлежности к группе	Включение во взаимодействие	Конфликт требование групповых идентичностей

Из таблицы следует, что стереотипы занимают важную позицию в этапах групповой идентификации. Процесс формирования идентичности происходит посредством самокатегоризации, в результате которой индивид вырабатывает положительное отношение к себе и к другим членам ингруппы. Это приводит к самостереотипизации – готовности следовать стереотипам (нормам поведения)

группы и одновременно присваивать членам ингруппы свои аттитюды [Heaven 2001: 142]. Таким образом, происходит сближение стереотипов ингруппы и индивида, вследствие чего последний приобретает чувство принадлежности к группе.

Согласно О.А. Гулевич, следует отличать стереотипы от предрассудков, которые выражаются в негативном отношении к членам социальной группы, к которой человек не принадлежит (аутгруппы) [Гулевич 2007: 152].

Как показал анализ, стереотипы осуществляют значимую функцию в формировании оппозиции «свой-чужой» и, как результат, в структурировании знания индивида о своей группе. Они участвуют в процессе самокатегоризации и установлении социальной идентичности.

В лингвистике стереотипы интерпретируются прежде всего как повторяющиеся действия, которые нашли отражение в языке. По мнению Е.Л. Велинбаховой, для лингвистического анализа стереотипов необходимо понимать, в качестве чего будет выступать стереотип – как инструмент исследования или как объект. В зависимости от этого в исследованиях могут быть использованы разные методологические подходы [Вилинбахова 2012: 21].

Если стереотип анализируется как инструмент исследования, то он используется для объяснения каких-либо языковых явлений. В случае, когда стереотип является объектом исследования, мы имеем дело с его описанием на материале конкретных языковых данных.

Наиболее эффективным инструментом лингвистического анализа стереотипы являются, когда выступают в качестве объекта исследования. Так, современные исследователи предлагают сразу несколько классификаций языковых способов выражения стереотипов. Наиболее известными из них являются классификации Л.П. Крысина и Е. Бартминьского. В нашей работе мы остановимся на рассмотрении классификации Л.П. Крысина, который выделяет семь способов репрезентации стереотипов. К первому способу относятся слова, которые содержат в себе оценку качеств другого этноса (*выцыганить*); второй способ заключается в переносном употреблении этнонимов (*негр*). Третий

способ объединяет такие сравнительные обороты и выражения, как: *скупой как еврей, сделано по-турецки*, в то время как четвертый способ связан с атрибутивными сочетаниями (*он добивался всего с упорством китайца*). Кванторные слова (*все, всегда, любой, всякий*) являются характерным признаком пятого способа; оценочные прилагательные (*подлинный, настоящий*) и модальные наречия (*прямо, просто* и т.д.) – шестого. Наконец, к седьмому способу относятся импликатуры, такие как: *Он русский, но не пьет* [Крысин 2003: 453].

Как видно, в большинстве случаев в языке стереотипы проявляются посредством апелляции к национальной принадлежности. Получается, что многие языковые обороты способствуют укреплению стереотипных представлений в сознании носителей языка.

Необходимо отметить, что наиболее характерными способами актуализации стереотипов в языке являются пословицы и поговорки. На наш взгляд, данная закономерность является неслучайной, поскольку, как известно, именно в пословицах и поговорках отражен накопленный обществом опыт. То есть посредством пословиц и поговорок закрепленное мнение об определенной группе передается от поколения к поколению (*что русскому хорошо, то немцу – смерть*).

Кроме того, по мнению Т.П. Третьяковой, в качестве источников стереотипов в языке могут выступать различные цитаты, аллюзии на художественные произведения [Третьякова 2015: 204].

Можно сделать вывод, что различные лингвистические средства участвуют в создании «языковых» стереотипов, которые в свою очередь способствуют категоризации социального мира на языковом уровне.

Выводы по главе 1

В первой главе исследования были рассмотрены некоторые подходы к теории социальной принадлежности, а также проанализированы различные взгляды на проблему оппозиции «свой-чужой». На основании изученных работ можно прийти к следующим выводам:

1. Ученые сходятся во мнении, что принадлежность человека к группе отражается в содержании социальной идентичности, которая состоит из трех компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого.
2. Социальная принадлежность является значимым компонентом моделей человеческих потребностей А. Маслоу и К. Альдерфера, что свидетельствует о том, что принадлежность к группе является одной из базовых потребностей человека и играет важную роль в формировании его идентичности.
3. Принадлежность к социальной группе предполагает разделение общества на «своих» и «чужих» и связана с понятиями категоризации, инклюзии и эксклюзии.
4. Существование инклюзии возможно только в случае наличия эксклюзии. Результат инклюзии зависит от желания индивида и от готовности социальной группы принять нового члена.
5. Отождествление индивида с какой-либо группой происходит на основе различных дифференциальных признаков, наиболее значимыми из которых являются групповые ценности и стереотипы.
6. Оппозиция «свой-чужой», категория ценности и стереотипизация выступают как объекты многих лингвистических исследований. Данные понятия актуализируются в языке посредством различных средств на всех уровнях языка.

Глава 2. Языковая актуализация социальной принадлежности и её отсутствия в английском языке

2.1 Лексикографический анализ лексем, апеллирующих к социальной принадлежности

Для анализа способов актуализации эффекта социальной принадлежности в английском языке были отобраны лексические единицы, содержащие в своем значении указание на принадлежность к той или иной группе. В первую очередь, были рассмотрены лексемы, семантически относящиеся непосредственно к понятиям социологии и социальной психологии, рассмотренным в первой главе исследования: *belong* и *belongingness* (понятие принадлежности), *feel included/excluded* (понятие инклюзии/эксклюзии). Как показал анализ работ, представленный в первой главе работы, данные единицы языка наиболее частотны для выражения понятий принадлежности, инклюзии и эксклюзии.

Анализ статей в лексикографических источниках показал, что в дефинициях к данным лексемам наглядно выражено понятие социальной (групповой) принадлежности.

Так, Оксфордский словарь английского языка (Oxford Learner's Dictionaries) в словарной статье к глаголу *to belong (to/with)* выделяет значение 'to feel comfortable and happy in a particular situation or with a particular group of people'. Как видно, помимо указания на принадлежность к некой группе, в дефиниции данного глагола содержится указание на удовлетворение, испытываемое от этого индивидом. В словаре Лонгман (Longman Dictionary Of Contemporary English) в дефиниции к данной лексеме представлено и своеобразное объяснение причины чувства удовлетворения: 'If you feel you belong in a place or situation, you feel happy and comfortable in it, *because you have the same interests and ideas as other people*'. Данные причины соотносятся с выводами о факторах, способствующих формированию чувства принадлежности, описанных в первой главе настоящего исследования, среди

которых – наличие общих интересов, ценностей у членов группы. Любопытно, что в Словаре Уэбстера (An American Dictionary of the English Language) выделяется значение глагола *to belong (to/with)*, содержащее указание на «условия» принадлежности, в частности – происхождение, преданность, зависимость ('to be attached or bound by *birth, allegiance, or dependency*').

Глагол *to include* в ряде источников (Oxford Learner's Dictionaries, Cambridge Advanced Learner's Dictionary, Longman Dictionary Of Contemporary English) имеет следующую дефиницию: 'to make someone or something part of a group or set'. Данное значение соответствует понятию инклюзии, рассмотренному нами в теоретической части работы, поскольку содержит отсылку к группе. Кроме того, в определении, предложенном Кембриджским словарем, указывается «вид» группы, частью которой становится индивид, подверженный инклюзии: '...part of something, such as a *job or project*'. То есть подразумевается группа, члены которой имеют некоторые общие интересы (например, профессиональные). Предложенные определения позволяют предположить, что сочетание *to feel included* имеет значение «чувствовать себя частью группы людей, объединенных общностью интересов, каких-либо признаков (профессии, деятельности и т.д.)».

Следует напомнить, что существование инклюзии возможно только при наличии обратного ей явления эксклюзии. Здесь и далее при упоминании социальной принадлежности всегда подразумевается и противоположное явление социальной непринадлежности.

Значение лексемы *to exclude* фиксируется в толковых словарях следующим образом: 'to bar/prevent someone from participation, consideration or inclusion' (Словарь Уэбстера и Кембриджский словарь). Следовательно, данный глагол указывает на своего рода «запрет», препятствующий конкретному индивиду участвовать в каком-либо действии или принадлежать к какой-либо группе. Интересно, что в статьях Оксфордского словаря английского языка и словаря Лонгман в дефинициях присутствуют наречия *deliberately* и *intentionally*, что подразумевает намеренное недопущение конкретного человека

в группу. Думается, что посредством указанных наречий подчеркивается наличие определенных причин, по которым тот или иной субъект не может быть членом группы. Как показал анализ понятия эксклюзии в первой главе исследования, такими причинами могут стать различные ценности и взгляды. Следовательно, сочетание *to feel excluded* означает «ощущать невозможность стать членом какой-либо группы вследствие существенных объективных или субъективных причин».

Исходя из специфики рассматриваемых нами в данной работе понятий (принадлежность к группе, идентичность, категоризация, включение/невключение в группу и т.д.), мы предположили, что объектом исследования могут также стать следующие лексемы: *to fit in*, *stranger*, *outsider*, которые регулярно используются в специальной литературе, посвященной проблеме социальной принадлежности. Данные предположения позволяют подтвердить анализ словарных статей к указанным единицам.

Фразовый глагол *to fit in* является синонимом глагола *to belong*, о чем свидетельствует определение, предложенное Кембриджским словарем: ‘to feel that you belong to a particular group and are accepted by that group’. Как видно, данный глагол имеет значение, схожее со значением глагола *to belong*, и может выступать как способ репрезентации социальной принадлежности. Закономерным, на наш взгляд, также является указание в словарных статьях на чувства, которые испытывает индивид в результате принадлежности к определенной группе: ‘to be in harmony or accord’ (Словарь Уэбстера).

В значении существительного *outsider* также содержится отсылка к групповой принадлежности, а точнее – к невозможности являться частью какой-либо социальной общности. Наиболее широкое определение данной лексики представлено Кембриджским словарем: ‘a person who is not liked or accepted as a member of a particular group, organization, or society and who feels different from those people who are accepted as members’. Следует отметить, что словари Лонгман и Словарь Уэбстера раскрывают значение существительного *outsider* посредством использования глагола *to belong* в отрицательной форме,

что дополнительно свидетельствует об апелляции данной лексики к социальной принадлежности.

Схожую дефиницию имеет существительное *stranger*, одним из значений которого является ‘one who does not belong to or is kept from the activities of a group’ (Словарь Уэбстера). Следует отметить, что и основное значение данной лексики, выделяемое словарями – ‘a person that you do not know’ (словарь Лонгман, Кембриджский словарь, Оксфордский словарь английского языка), – также коррелирует с тематикой принадлежности в рамках оппозиции «свой-чужой».

Таким образом, в рамках настоящего исследования будут рассмотрены контексты, содержащие указанные выше лексики (*to belong, to feel included, to feel excluded, to fit in, an outsider, a stranger*). Как показал анализ, в определениях к данным единицам языка содержится отсылка к групповой принадлежности, что позволяет использовать их в качестве объекта исследования и инструмента для отбора контекстов подходящей тематики.

2.2 Способы языковой репрезентации социальной принадлежности в английском языке

На основании рассмотренного лексикографического материала можно сделать вывод о том, что контекстуальный анализ указанных ранее лексем позволит выявить способы и специфику актуализации социальной (групповой) принадлежности в английском языке. Материалом исследования послужили контексты, отобранные из Корпуса современного американского английского языка (*the Corpus of Contemporary American English*), Британского национального корпуса (*the British National Corpus*), а также поисковой системы Google. Всего было отобрано 500 примеров, более 80 для каждой лексики. В качестве наиболее показательных примеров в работе представлен 21 контекст.

Говоря о типе контекстов, отобранных нами для анализа, следует отметить, что данные примеры относятся к разнообразным источникам. Среди рассмотренных текстов наиболее часто встречаются художественные и

публицистические тексты, а также – интервью. Большое количество примеров (более 500) подтверждают безусловную значимость социальной принадлежности для человека.

Анализ показал, что можно произвести классификацию отобранного материала по признаку, относительно которого осуществляется «включение» в какую-либо группу или «исключение» из нее. Так, в каждом контексте речь идет о принадлежности или непринадлежности индивида к определенной группе: национальной, возрастной, гендерной и отдельно выделяемой нами группе социальной принадлежности по иным признакам (убеждения, статус и пр.). Также встречаются примеры, в которых отражены сразу несколько аспектов (например, сочетание возрастной и национальной принадлежности). При этом следует отметить, что среди данных примеров преобладают контексты, апеллирующие к возрастной и национальной принадлежности. В этом порядке примеры данных контекстов рассматриваются в исследовании.

2.2.1 Языковая репрезентация социальной принадлежности по возрастному признаку

Как уже было сказано, наибольшее количество рассматриваемых контекстов (29%) обращено к вопросам принадлежности по возрастному признаку. Психологи отмечают, что потребность индивида принадлежать к какой-либо группе проявляется с детства [Шкурко 2011: 180-181]. Показательно, что в анализируемых материалах встречаются отсылки ко всем возрастным группам, среди которых преобладают детская и юношеская группы.

Рамки исследования не позволяют подробно остановиться на каждом из проанализированных примеров. Рассмотрим некоторые из них.

Пример №1

'Aha! Truth! You are afraid the hairy barbarians will not accept you in their tribe if you write poetry.'

'That's more or less it, yeah... ' <...>

'And you wish to become an hairy barbarian?'

'I'm a kid. I'm thirteen. You said it's a miserable age, being thirteen, and you're right. If you don't fit in, they make your life a misery. Like Floyd Chaceley or Nicholas Briar.'

(David Mitchell "Black Swan Green")

Как видим, в данном примере автор высказывания поднимает проблему своего возраста. Описывая его, ребенок (так он идентифицирует себя сам) использует эмоциональный эпитет *miserable*. Создается впечатление, что автор высказывания, сравнивая себя с ровесниками, трезво осознает невозможность всецело принадлежать этой группе в силу неприятия ею некоторых важных для него ценностей (в частности – увлечение поэзией) и констатирует это как своеобразный постулат: *If you don't fit in, they make your life a misery*. Возрастная группа не только не принимает «не вписывающегося» в нее индивида, но и становится угрозой для него (*they make your life a misery*). Эффект непринадлежности актуализируется в речи индивида с помощью рассмотренного нами ранее глагола *to fit in* (раздел 2.1), употребленного в отрицательной форме. Говоря о ровесниках, автор речи не может использовать личное местоимение первого лица *we*, так как не ощущает себя частью данной социальной группы. Его сверстники – «они» (*they*), «чужие». Можно говорить о том, что в речи автора высказывания, во многом благодаря использованию местоимений, репрезентируется эффект противостояния: *'I'm a kid. I'm thirteen. <...> If you don't fit in, they make your life a misery'* (один против «толпы», «чужой» среди «своих»).

В следующем контексте также идет речь о вопросах, связанных с особенностью детской психологии при определении своей принадлежности к группе.

Пример №2

"Other students liked feeling that they had power: "I like how we learned the hidden messages of ads and how we got to find out some pretty neat stuff about what ads aren't telling you". <...> Adolescents Accepting Positioning (First-Order Positioning) <...> The teachers in the project commented that middle-years students are at the right age to learn about advertiser positioning in their transactions, because advertisers "are really playing into the insecurities of children and their desire to belong to a group". Young adolescents believe that certain purchases will identify them as group members because of their background with the "ad land" created by advertisers over years of viewing.

В рассматриваемом примере речь идет о том, что стремление ребенка к принадлежности к группе и групповой идентификации может быть использовано в достаточно корыстных целях – в частности, маркетологами при разработке рекламы. Таким образом, свойственное подросткам острое желание принадлежать к группе, наряду с неуверенностью в себе, становится своего рода средством манипуляции. Приобретая вещь, ребенок надеется на идентификацию с интересной ему группой. В данном случае, желание ребенка принадлежать к группе эксплицитно выражено с помощью синтагмы *desire to belong to a group*. Использование в сочетании с глаголом *to belong (to/with)* лексемы *desire* – симптоматично и встречается ряде других рассмотренных нами контекстов. Так, ранее О.В. Емельяновой был сделан вывод о том, что глагол *to belong* регулярно используется в сочетании с модальными лексемами желания (*wish to, want to*), что отражает «имманентно свойственное человеку стремление принадлежать» [Емельянова 2019: 81]. Напомним, что глагол *to belong (to/with)* выражает не только принадлежность к группе, но и ощущение комфорта и удовлетворения, испытываемое от этого. Потребность в данном ощущении, возможно, отчасти продиктована чувством неуверенности, незащищенности (*insecurities of children*), также свойственным детям.

В целом, глагол *to belong* часто актуализирует в языке эффект принадлежности или непринадлежности в контекстах «возрастной» тематики. Примеры №3 и №4 также включают в себя данную лексему.

Пример №3

*...enjoyed by every single person that reads it, and Twilight fans need to realize that EVERYONE is entitled to their opinion. <...> I have passed this book on to my daughter, but will be emphatically telling her that the way that Bella and Edward treat each other is not normal and we will definitely talk about the book. <...> I do have to wonder about the intelligence of a lot of **adult fans** though, when the target demographic for this book was **youth aged 12-17**. Personally I think that the bigger thing at play here is **the desire to belong to a group** and that people may be saying that they **loved the book just to be part of the craze**. <...> I have read the Twilight books and Midnight Sun and given them a significant amount of thought. **I'm 32**, have a BA in English and American Literature and a Master's in Library Science.*

(COCA: <http://psa.blastmagazine.com/2008/08/23/twilight-a-follow-up-and-a-promise/>)

Автор данного публицистического текста (блога) выражает свое мнение о книге («Сумерки»), официально предназначенной для подростков в возрасте 12-17 лет. Автор высказывания говорит о том, что предложил данную книгу для прочтения своей дочери, порассуждав с ней о некоторых ценностных аспектах данного произведения и своего отношения к ним. Таким образом, здесь мы можем говорить о ценностном обмене как об одном из механизмов «приобщения» к группе – отец приобщается к интересам возрастной группы своей дочери; дочь, обсуждая с ним книгу, – к ценностям старшей возрастной группы.

Однако более показательным для настоящего исследования является другое высказывание автора речи – о представителях «старшей возрастной группы», избравших указанную подростковую книгу для чтения. Автор иронично высказывается о таких индивидах, ставя под сомнение их «умственные способности» (*I do have to wonder about the intelligence of a lot of adult fans though...*) и указывая на несоответствие избранного ими для чтения произведения их возрастной группе. Проводя четкую границу между двумя возрастными группами, автор высказывания употребляет антонимы (**adult fans** и **youth aged 12-17**). При этом, по его мнению, прочтение указанной книги представителями старшего поколения является способом принадлежать к «большинству», разделить ценности «чужих», стать частью модных веяний. Их «любовь» к произведению может быть неискренней (*people may be saying that they loved the book just to be...*). Как и в Примере №2, в данном контексте эффект принадлежности актуализируется в речи через синтагму *desire to belong to a group*, содержащую модальную лексему желания *desire*. Наряду с этим выражением, автор речи использует контекстуально синонимичное сочетание *to be part of the craze*. Таким образом, группа, к которой пытаются приобщиться взрослые люди, выбирая для чтения указанную книгу, очевидно, может являться «чужой» для них, однако интересной, так как связана с модой и актуальными тенденциями.

Подобное заимствование поведенческой модели с целью принадлежать к группе описано и в примере №4.

Пример №4

*Why do young people sniff glue? <...> The reasons young people sniff glue vary with each individual. Usually it's out of curiosity. Some do it because they **want to belong to a group where sniffing happens to be part of the group's activities**. Sniffing is also a cheap and easy substitute for alcohol and can be a pleasurable experience. So **young people**, who may be unhappy for a number of reasons, might try sniffing **to seek attention** or to escape from their problems. For most young people it is a passing phase which they will grow out of, but for some it can become a habit. (BNC: [Health promotion and education leaflets]. u.p., n.d., 2064 s-units.)*

В данном контексте поднимается вопрос такого пагубного социального явления, как токсикомания, особенно широко распространенного среди представителей молодежной возрастной группы. Оказывается, увлечение наркотическими веществами молодые люди зачастую используют в качестве средства приобщения к интересующей их группе. Таким образом, токсикомания предстает как эмоционально-поведенческий компонент групповой идентичности. Как видно, выстраивается некая аналогия с примером №3: сходно тому, как «вступление» в группу «модников» осуществляется за счет прочтения популярной книги, – в примере №4 приобщение к той или иной группе возможно посредством увлечения токсикоманией. При этом неизвестно, принадлежность к какой именно группе «требует» развития столь губительных привычек. В данном случае, скорее, проявляется свойственная молодым людям необходимость во внимании (*young people might try sniffing to seek attention*) и естественная для человека потребность *принадлежать*.

В рассматриваемом контексте стремление приобщиться к группе выражается с помощью глагола *to belong* в сочетании с ядерным предикатом желания *want to*, что дополнительно подчеркивает присущее человеку стремление к аффилиации.

Наряду с многочисленными примерами, касающимися вопросов детской и юношеской возрастных групп, широкий круг контекстов посвящен проблеме социальной принадлежности среди взрослых людей. Рассмотрим такие примеры.

Пример №5

"To keep an urban area vital, there has to be an infusion of new people and buildings, but that doesn't mean you destroy people who have kept up the neighborhood, who've swept the sidewalk," she said. "It's that commitment that has made developers interested in the neighborhood – and then you're going to penalize the people who've stayed?" **Jacy Webster, 56**, who lives on what had until recently been an Italian-American block in South Philadelphia, said he had come to **feel like a stranger**. **The new arrivals, mostly young families**, seem to move a step faster than he does or to not see him. **Old courtesies like waving hello and casual chats have become rare**. **"I don't belong anymore,"** he said.

(COCA: New York Times)

В данном примере наглядно представлено «противостояние» поколений старожилов и новоселов. Примечательно, что, несмотря на многонациональность описываемого места (*an Italian-American block in South Philadelphia*), национальный вопрос в данном контексте не ставится. Старожилы и новоселы описываемой территории оказываются преимущественно представителями разных поколений (*Jacy Webster, 56*, с одной стороны, и *the new arrivals, mostly young families* – с другой). Таким образом, именно возраст является условным критерием, разделяющим «старых» и «новых», «своих» и «чужих». «Новоприбывшая молодежь», навязывающая свой стиль жизни, вынуждает старожилов чувствовать себя чужаками (*he had come to feel like a stranger*). Происходит любопытный процесс формирования «новой группы» и как результат – исключение из нее старых жителей района. Противопоставление двух групп актуализируется с помощью антонимов *new (arrivals)*, *young (families)* и *old (courtesies)*. Можно предположить, что стиль жизни «молодых», отражающий принятые в данной группе ценности, является одной из главных причин, по которой старые жители района не смогли стать «своими».

Напомним, что поведенческий компонент, наряду с когнитивным и эмоциональным, выделяют как один из трех основополагающих компонентов групповой идентичности (1.1.3). Именно поведение «молодых» новоселов, не включающее в себя привычные для старожилов формы приветствий и пр. (*old courtesies like waving hello and casual chats have become rare*) стало причиной «исключения» прежних жителей из сформировавшейся «новой» группы.

В данном контексте, наряду с эксклюзивной лексемой *stranger*, рассмотренной нами в исследовании ранее (2.1.1), актуализируется глагол *to belong*, использованный в отрицательной форме (*"I don't belong anymore," he said*). С помощью данного глагола в речи старожилки актуализируется внутренний дискомфорт, испытываемый им из-за ощущения непринадлежности к сформировавшейся вокруг группе. Фактическая принадлежность к ней (индивид продолжает проживать там же, где и раньше) не умаляет ощущения эксклюзии, эксплицитно выраженного в его речи. Этот эффект усиливается с помощью существительного *stranger*, использованного в данном контексте. Как помним, одно из значений данной лексики – «чужестранец, чужеземец», указывающее на иную территориальную принадлежность индивида. Таким образом, исконные жители начинают чувствовать себя «чужеземцами» (*feel like a stranger*), можно говорить о непринадлежности как о причине когнитивного диссонанса.

Пример №6

...her to marry him. On March 19, 1930, they applied for a marriage license at the Los Angeles County Courthouse. He gave his age as 33, chopping off three years, perhaps because he could not imagine why a fetching woman like Mary Barstow would want to marry an aging, panic-stricken divorce. <...> For the next decade, he and Mary lived in a handsome white Colonial in New Rochelle, a suburb in which a certain kind of life is supposed to unfold. But within the first year of their marriage, she began to feel excluded from her husband's company.
(COCA: *Smithsonian*)

В данном случае речь идет об индивидах, очевидно, принадлежащих к разным возрастным группам, но при этом связавших себя семейными узами и тем самым ставшими частью одной группы (семейной).

Изначально мужчина, в попытке приобщиться к группе своей возлюбленной, сознательно скрывает свой возраст, убавив себе три года (*He gave his age as 33, chopping off three years*). Таким образом, его приобщение к группе является искусственным (лукавством). Спустя год, это приводит к необратимым последствиям: жена начинает ощущать свою непринадлежность к компании мужа – его возрастной группе. Это актуализируется в тексте с помощью синтагмы *feel excluded*, использованной в сочетании с глаголом *to*

begin, что дополнительно подчеркивает исключение индивида из группы, к которой он раньше, по его мнению, принадлежал. Несмотря на то, что в примере не говорится о конфликте ценностей, можно предположить, что он также сыграл свою роль в формировании чувства непринадлежности к «возрастной» группе мужа со стороны жены.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы относительно языковой репрезентации социальной принадлежности по возрастному признаку. В проанализированных примерах в равной степени отражены процессы инклюзии и эксклюзии. Распространенным способом актуализации стремления к социальной принадлежности является использование глагола *to belong (to/with)* в сочетании с модальными лексемами желания (*want to belong, desire to belong*), что дополнительно свидетельствует о желании героев реализовать свою потребность в принадлежности. Репрезентация эффекта непринадлежности происходит не только с помощью эксклюзивных лексем *stranger, to feel excluded*, но и за счет использования инклюзивных глаголов *to fit in, to belong* в отрицательной форме. Противопоставление групп зачастую актуализируется с помощью антонимичной лексики.

2.2.2 Языковая репрезентация социальной принадлежности по национальному признаку

В значительном количестве анализируемых контекстов (24%) речь идет о принадлежности или непринадлежности к некоторой национальной группе.

Следует отметить, что в контекстах, поднимающих *национальный вопрос*, наиболее часто проявляется эффект *подражания*, при помощи которого индивид стремится достигнуть желаемого – принадлежности. Данная тенденция, как представляется, – не случайна. За редким исключением, человек, в силу объективных причин, не может «вступить» в чужую национальную группу и всецело принадлежать ей. Таким образом, он

использует *подражание* устоявшимся в группе образцам поведения как один из наиболее распространенных механизмов групповой интеграции. Данное явление можно проследить в примерах ниже.

Пример №7

I stuffed the other side gently then and covered the tear with a slab of prosciutto, a bloody bandage with a white fat edge. The man who cut the prosciutto for me that morning in Clerkenwell, London, where I live, is also American. He has acquired an English accent by fragments, the way my grandmother acquired a wardrobe, piece by piece – here a sharp t, there a long a, sometimes a quite. He wears his wish to belong here on the outside obviously. He cut the meat too thick, like bacon. Prosciutto should be thin and let light through like stained glass. Even I know that. But to shave thin required that he remove the safety guard and sidle up to the round, whirling blade of the machine. " I mean, one little mistake and there's your hand, gone, " he said. " There ah-re no second chances. " But there were, at least, for me. (COCA: Southwest Review)

Как видно, при существующей априори *невозможности принадлежать* к иной национальной группе индивид стремится *подражать* ей, используя для этого один из наиболее характерных инструментов – язык (...*acquired an English accent by fragments* <...> *here a sharp t, there a long a, sometimes a quite*). Как помним, во многом именно посредством освоения языка происходит вхождение человека в общество; по утверждению Э. Сепира, «язык – мощный фактор социализации» [Сепир 1993: 231]. Тем не менее, в данном контексте попытка героя имитировать произношение местных жителей воспринимается представителем этой национальной группы как желание принадлежать лишь «внешне» и актуализируется в речи с помощью синтагмы *wish to belong here on the outside* (следует отметить, что, как и в примере №4, глагол *to belong* в рассматриваемом контексте употребляется с предикатом желания *wish to*).

Подлинная национальная идентичность индивида проявляется через любопытную поведенческую модель, не свойственную представителям иной национальной группы, и актуализируется автором через прием антитезы (*He cut the meat too thick, like bacon. Prosciutto should be thin and let light through like stained glass*) – личная безопасность, очевидно, оказывается важнее соблюдения традиций или правил (...*I mean, one little mistake and there's your hand, gone, " he said. " There ah-re no second chances. " But there were, at least, for me*).

В следующем примере речь также идет о стремлении индивида подражать иной национальной группе.

Пример №8

*I've always been proud of my **Taiwanese** roots, but lately, I've started to question how much of **my culture I've voluntarily released in the effort to belong** in a country dominated by white people. American society is built around what white people like and don't like. They decide which foreign foods are "in" (bubble tea, burritos) and what's "gross" or "exotic" (menudo, say, or marinated pig ears). American standards for acceptable behavior – the way people talk, the language they use, the food they eat in a mainstream company – are carefully **tailored** to the tastes of white people. (COCA: The Atlantic)*

Как видно, в данном примере поднимается вопрос национальной и расовой принадлежности. Очевидно, что в американском обществе, к которому принадлежит индивид, окружающий мир строится преимущественно в соответствии с запросами белокожего населения (*American standards for acceptable behavior <...> are carefully tailored to the tastes of white people; American society is built around what white people like and don't like. They decide...*). Автор высказывания не нейтральным образом сообщает о своей национальной принадлежности, актуализируя в речи глагол *to be proud of*: *I've always been proud of my Taiwanese roots*. При этом индивид говорит о своем вынужденном подражании населению США, которое заключалось в добровольном отказе им от некоторых проявлений своей национальной идентичности (*I've started to question how much of my culture I've voluntarily released in the effort to belong...*) и признает безуспешность этой попытки, что связано с доминированием «белого» населения в стране. Таким образом, невозможность принадлежать к национальной группе связана с невозможностью принадлежать к доминирующей в данном обществе расовой группе.

Описывая себя и чужую национальную группу, автор высказывания использует характерные местоимения *I*, *my* и *they*, которые выступают в качестве маркеров социальной принадлежности и дополнительно актуализируют оппозицию «свой-чужой»: «я» и «моё», с одной стороны, «они» (чужие), – с другой. Следует отметить, что попытка интеграции в иную национальную группу реализуется через словосочетание *effort to belong*, что в

очередной раз указывает на сложность, испытываемую индивидом в своем подражании и попытке принадлежать к иной национальной группе. Использование глагола *to belong*, а не синонимичных ему лексем (*fit in, feel included*) подчеркивает желание индивида испытывать комфорт при интеграции в чужую группу. Данное ощущение комфорта и гармонии, как подчеркивается в этом же предложении, заведомо невозможно в стране, которую автор несколько отстраненно называет *a country dominated by white people*.

Любопытно, что в данном контексте речь идет и о другом процессе «включения» – при описании индивидом того, что, по его мнению, представители другой национальной группы и расы признают «своим», включая в модель их жизни, отражающую систему их ценностных представлений (*They decide which foreign foods are "in" (bubble tea, burritos) and what's "gross" or "exotic" (menudo, say, or marinated pig ears)*). «Право включать» то или иное явление в жизнь, как уже было сказано, отводится белому населению, и именно это делает его доминантным в обществе, построенном на его (белого населения) иерархии ценностей.

Следует отметить, что эффект подражания, который уже не в первый раз встречается в контекстах, отобранных для данного исследования, ряд исследователей рассматривает как один из основных механизмов групповой интеграции. Подражание представляет собой следование неким общим образцам поведения, стереотипам и примерам, принятым в группе [Почебут 2016: 501]. Такого рода копирование поведения (в примере №7 оно выражается в имитации британского произношения; в примере №8 – в отказе субъекта от некоторых проявлений своей национальной идентичности) подчеркивает и укрепляет членство индивида в группе.

Как отмечает Л.Г. Почебут, «при подражании следование групповым требованиям является добровольным»; подтверждение данного тезиса можно найти в анализируемом нами примере: *how much of my culture I've voluntarily released in the effort to belong*. В данном случае добровольное следование групповым требованиям актуализируется с помощью наречия *voluntarily*.

Если сравнить контексты (примеры №7 и №8), в которых поднимается проблема подражания, то можно отметить, что подражание, описываемое в примере №8, носит более серьезный характер, чем в ситуации из примера №7. Герой примера №7 прибегает к подражанию для того, чтобы «угодить» клиенту, в то время как в примере №8 описывается добровольный отказ от различных проявлений своей принадлежности, что, как представляется, имеет более трагические последствия для национальной идентичности (герой может потерять культурную связь со своей родиной).

Наряду с репрезентацией подражания «чужой» национальной группе, в рассматриваемых контекстах встречается значительное число ситуаций, в которых поднимается вопрос невозможности принадлежать к той или иной национальной группе. Примеры таких контекстов рассмотрены ниже (№9, №10 и №11).

Пример №9

*'Nobody denies that the Romany people need a permanent place of abode. Romanies are mothers and fathers, **just like us**. Romanies want what **they** believe is best for **their** children, **just like us**. Heaven knows I'm not prejudiced against **any group of people**, however "way out" **their colour or creed**, and I'm sure no one in this hall is either. **We are all Christians**. Indeed, without a permanent site, how will **Romanies** ever be taught the responsibilities of citizenship? How else will **they** be taught that law and order guarantee **their** children a brighter future than **begging, horse-dealing and petty crime**? Or that **eating hedgehogs** is simply not a civilized act? But why oh why do the powers that be believe that Black Swan Green is an appropriate location for their "project"? **Our village** is a finely **balanced community!** A **horde of outsiders**, especially one of, shall we say, "problem families", **swamping our school and our surgery would tip us into chaos! Misery! Anarchy!***

(David Mitchell "Black Swan Green")

Говоря о цыганах, автор высказывания (англичанин по национальности) с помощью сравнительных оборотов отмечает ряд сходств этой, «чужой» для него, национальной группы с группой «своих». Из контекста видно, что вышеупомянутые национальные группы разделяют общие ценности – любовь к детям, желание дать им самое лучшее (*Romanies are mothers and fathers, just like us. Romanies want what they believe is best for their children, just like us*). Автор речи употребляет местоимения *they*, *their* и *us*, дополнительно актуализируя оппозицию «свой-чужой». Далее в высказывании число разделяемых группами ценностей оказывается достаточным для того, чтобы употребить

«объединяющее» две национальные группы местоимение первого лица – *we*. Так, одной из важнейших единых для групп ценностей становится общая религия (*We are all Christians*). Однако, несмотря на целый ряд разделяемых группами ценностей, признание группы цыган «своими» и включение их в «свою» национальную группу представляется невозможным в силу стереотипных представлений о нормах поведения, не свойственных национальной группе автора (*begging, horse-dealing and petty crime; eating hedgehogs*). Остро-негативное отношение к данным образцам поведения чужой национальной группы и, как следствие, неприятие этой группы в целом актуализируется в речи автора высказывания с помощью риторических вопросов и восклицаний, экспрессивно-синтаксического приема парцелляции (*how will Romanies ever be taught the responsibilities of citizenship? <...> ...our surgery would tip us into chaos! Misery! Anarchy!*), междометий (*but why oh why...*). Отрицание возможности интеграции национальной группы цыган в национальную группу автора высказывания также актуализируется в речи с помощью экспрессивной лексики, дополнительно придающей речи эмоционально-взволнованный тон. Среди таких языковых единиц можно выделить *horde of outsiders; swamp our school; tip us into chaos* и пр. Отдельно следует отметить, что использование лексемы с эксклюзивным значением *outsiders* оказывается недостаточным для автора высказывания. Отношение к представителям чужой национальной группы как к чужакам и даже врагам, актуализируется с помощью метафоричного выражения *horde of outsiders*. При рассуждениях на тему «мы» и «они» («свой» и «чужой») автор высказывания неоднократно использует прием антитезы (мы – *finely balanced community*; они – *horde of outsiders, “problem families”*).

Как видно в данном примере, интеграция «чужих» в некую национальную группу невозможна при активном нежелании этой национальной группы, в силу тех или иных причин, допустить это. Таким образом, процесс инклюзии является, скорее, двусторонним, о чем также свидетельствует следующий пример.

Пример №10

*"For a long time minorities here, unlike in the States, tried to believe in **fraternity, equality and brotherhood**," says Roselmack. "They **tried to be real French**. Minorities now feel that there is **no equality, no freedom, no brotherhood**. I think society has finally started to realize we have a problem with that. I fear that unless the government does more **to make these young people feel included**, things are going to get worse. "However, both he and Pulvar understand that the government can only do so much..."*

(COCA: Ebony)

В данном контексте речь идет о попытке интеграции национальной группы, представляющее собой «национальное меньшинство» (*minorities*) в иное общество (*they tried to be real French*). Данная попытка, по мнению автора высказывания, была безуспешной из-за одностороннего характера процесса включения – национальная группа, в которую пытается интегрироваться меньшинство, не выражало готовности к этому. Произошло «развенчание иллюзий» меньшинств, репрезентация которого подчеркивается с помощью приема синтаксического параллелизма (*For a long time minorities here <...> tried to believe in fraternity, equality and brotherhood. <...> Minorities now feel that there is no equality, no freedom, no brotherhood*). Необходимость двустороннего процесса при включении меньшинства в общество актуализируется с помощью синтагмы “*make them feel included*”.

Наряду с примерами, в которых речь идет о невозможности включения представителей одной национальной группы в другую из-за нежелания «принимающей» группы, встречаются контексты, в которых процесс интеграции невозможен из-за неготовности интегрируемой стороны принадлежать к «чужой» группе всецело, отказываясь при этом от некоторых ценностей или устоев. Рассмотрим пример №11.

Пример №11

*For almost every **immigrant** the question is how much to **embrace the new world** and how much to **hang on to the old**. And it's a question that hit the **Bhutanese** particularly hard, as they arrived very suddenly in a place where there was **nobody like them**. They **know they need to fit in**, the young people especially: Subedi announced over dinner that the Red Sox had "won this award and so we had a party at our workplace," the award being last fall's World Series. <...> But they've also learned quickly that not **every last thing about the U.S. is worth emulating**. Budathoki explains why Bhutanese community leaders were setting up a school to teach their children about **the culture they'd come from**".*

(COCA: Smithsonian)

Как видно, в данном контексте речь идет о группе национальных меньшинств – иммигрантов, – оказавшихся среди «чужих» (*Bhutanese <...> arrived very suddenly in a place where there was nobody like them*). Потребность в интеграции в новую национальную среду актуализируется автором высказывания через предикат необходимости в сочетании с рассмотренным нами ранее фразовым глаголом *to fit in (they know they need to fit in)*. При этом, несмотря на осознание данной необходимости, наблюдается неготовность национальной группы отказываться от собственных ценностей в пользу ценностей чужого для них общества (*For almost every immigrant the question is how much to embrace the new world and how much to hang on to the old. <...> they've also learned quickly that not every last thing about the U.S. is worth emulating*). Более того, сохранение национальной идентичности в новой среде представляется важной задачей для данной национальной группы (*Bhutanese community leaders were setting up a school to teach their children about the culture they'd come from*).

Таким образом, в контекстах, в которых поднимаются вопросы социальной принадлежности по национальному признаку, речь, чаще всего, идет о невозможности принадлежать «чужой» национальной группе, в силу тех или иных причин, или о попытке подражать ей.

Как видно на материале рассмотренных примеров, в силу существующей априори невозможности представителей одной национальной группы *стать* представителями другой, говоря о «вступлении» в национальную группу, мы имеем в виду не буквальную «смену» национальной принадлежности (очевидно – невозможную), а попытку максимально интегрироваться в группу, «соблюдая» все компоненты групповой идентичности (когнитивный, эмоциональный, поведенческий).

«Национальный» вопрос оказывается «насущным» и зачастую актуализируется в речи авторов высказывания с помощью образной лексики, экспрессивного синтаксиса и других средств.

2.2.3 Языковая репрезентация социальной принадлежности по гендерному признаку

Примеры, в которых поднимается вопрос социальной принадлежности по гендерному признаку, не так частотны (14%), как контексты, затрагивающие национальную и возрастную тематику. Следует отметить, что в большинстве контекстов речь идет о включенности или невключенности в социальную группу со стороны женщин, что, вероятно, связано с тем, что исторически женщины находились в более ущемленном положении в обществе.

Пример №12

I'd always been uncomfortable with large groups of boys. <...> I was always ill at ease with my father's rugby-playing friends. Now I was trapped in dormitory of boys 24 hours a day for 13 weeks at a time. What I remember most vividly from the first few years is the sustained low-level fear that never quite went away. It comes back to me whenever I see a group of lairy blokes three pints down on a Saturday night, the knowledge that some pack instinct might just take over at some point and the pack might start looking for a victim. I knew that I was an outsider, but I had no real sense of what I was outside of.

(Guardian: How a feminist anthology taught me that outsiders can pull together?)

В рассматриваемом примере автор (женщина) говорит о чувстве эксклюзии, подсознательно возникающем у нее в обществе мужчин. По словам автора, ощущение непринадлежности среди лиц другого пола зародилось у неё ещё в детстве (*I'd always been uncomfortable with large groups of boys...*). Природа данного чувства не до конца понятна автору высказывания (*I knew that I was an outsider, but I had no real sense of what I was outside of*), однако, вероятно, оно продиктовано подсознательным ощущением угрозы, якобы исходящем со стороны группы мужчин (*sustained low-level fear that never quite went away*).

Ощущение непринадлежности к группе актуализируется в речи автора с помощью существительного *outsider*, а также лексемы *uncomfortable* и синтагмы *ill at ease*.

Пример №13

*I guess the original question is now voided since we know the second image was a parody but, for the record, I find it much more depressing that **women** – we're talking about half of all babies ever born – had, and still have in many places, **their opportunities limited by education and***

socialisation based on pre-defined genderroles. <...> My mother was a card-carrying feminist who hated most sitcoms and gameshows and a lot of mainstream TV in the 70s and 80s for that reason. But she was an outsider, very much the odd one out socially, and most of her peers thought she was a bit nuts, it was all perfectly harmless, and she needed to lighten up a bit. (COCA: Which of these is the most distasteful?)

В данном контексте поднимаются два вопроса, связанные со спецификой принадлежности к группе по гендерному признаку. С одной стороны, автор речи говорит о гендерных стереотипах, распространенных в обществе, и даже более широко – в целом мире (*we're talking about half of all babies ever born*). Так, по его словам, из-за сложившихся в социуме стереотипных представлений о гендерных ролях, в жизни женщин имеют место определенные ограничения (*their opportunities limited by education and socialisation based on pre-defined genderroles*). Очевидно негативное отношение автора высказывания к подобным общественным явлениям (*I find it depressing*). С другой стороны, наряду с заключениями относительно глобальных тенденций, автор речи говорит и о личном примере. Так, его мать не была полноценным членом социальной группы «большинства». Автор связывает это с тем, что мать относилась к группе убежденных феминисток (*My mother was a card-carrying feminist*) и по этой причине не разделяла ряд актуальных ценностей и тенденций общества, к которому принадлежала (*my mother <...> hated most sitcoms and gameshows and a lot of mainstream TV in the 70s and 80s for that reason*). Таким образом, в данном случае речь идет о ценностном диссонансе между обществом, в котором бытуют гендерные стереотипы, и индивидом, исповедующим иные ценности. Как и в примере № 12, непринадлежность матери героя к «большинству» актуализируется в речи автора с помощью лексики *outsider*. Значение существительного *outsider* выражает невозможность являться частью какой-либо социальной общности. Однако очевидно, что несоответствие ценностей индивида и социума не приводит к глобальному конфликту между ними (*it was all perfectly harmless*). Непринадлежность героини к «большинству» воспринималась обществом, скорее, как некое чудачество, что актуализируется в речи автора с помощью

экспрессивной синтагмы *the odd one out socially*, которая характеризует героиню как «постороннего», «не вписывающегося» члена группы, а также ироничного выражения *to be a bit nuts*.

Пример №14

But since I figured it was just me, I didn't want to make a fuss. Forbid that someone would think that I'm a bitter single woman. <...> Then I notice a friend from church posted on Facebook that she was also very uncomfortable with this sermon series and particularly the length. <...> Then I happened to mention all of this to another friend who admitted that she found the whole thing very discouraging. <...> And those are the people I happened to talk to in one day. Three people who feel excluded from their community of faith because 1/6th of the year is completely focused around marriage. <...> Now I'm debating whether I should say anything to any of the pastors. I don't want to be a troublemaker, but shouldn't they want to know this? Wouldn't families bring it up if there was an eight week series on the joys of singleness? Why are single people bitter if they don't want to sit two full months of teaching on marriage?
(BNC: A Bit of a Rant | Living With Joy)

В данном отрывке из текста блога, автор которого – женщина, речь идет о проповедях, прочитанных священником в приходе, к которому принадлежит автор высказывания. На протяжении двух месяцев проповеди в данном приходе были посвящены семье и браку, что вызвало недовольство и непонимание со стороны незамужних женщин. Более того, поднятие темы семьи на протяжении столь долгого времени привело к тому, что женщины, не состоящие в браке, перестали ощущать себя полноценными членами данной религиозной общины. Их чувство непринадлежности к группе актуализируется в речи автора с помощью синтагмы *feel excluded*. Данное словосочетание указывает на то, что фактически герои остаются членами общины, однако перестают *ощущать* свою принадлежность к ней (*people who feel excluded from their community of faith*). Ощущение отчуждения от социальной группы также актуализируется автором высказывания с помощью эксклюзивных прилагательных *uncomfortable* и *discouraging*. Чувство исключенности из социальной группы и недовольства по этому поводу актуализируется в речи автора и с помощью риторического вопроса, построенного на приеме антитезы: *Wouldn't families bring it up if there was an eight week series on the joys of singleness?*

В данном контексте, наряду с ощущением непринадлежности нескольких человек к религиозной общине, автор говорит и о более глобальных процессах

разобщенности, имеющей место между «холостыми» индивидами, не разделяющими семейные ценности, и «семейной» социальной группой. Такого рода отношение можно связать с существующими в обществе стереотипами относительно традиционной роли женщины, на основании которых формируются соответствующие модели поведения женщин (мать, жена и т.д.).

Судя по исследованному материалу, в отличие от национального и возрастного признаков, гендерный признак нечасто становится причиной серьезных конфликтов или противоречий между социальными группами. Возможно, с этим можно связать то, что использование антонимов не является в данном случае распространенным способом актуализации эффекта принадлежности или непринадлежности. Репрезентация несоответствий, возникающих между гендерной и какой-либо другой социальной группой, зачастую осуществляется с помощью образных выражений и лексем.

2.2.4 Языковая репрезентация социальной принадлежности по иным признакам

В ряде рассмотренных контекстов говорится о принадлежности или непринадлежности героев к социальным группам по иным, менее глобальным признакам. Так, например, некоторые контексты (19%) касаются темы положения в обществе (социального статуса).

Пример №15

*... on the road from the airport to Santiago, my driver told me, "On the left of this road are **all the slums of Santiago**; on the right are the houses **of the wealthy, protected by police and the military**." And then he added, "Nobody crosses this road. Nobody crosses the road because everybody is consumed by fear. <...> My dream for the church is that the people of God – that is to say, all of us – may find the way across the road to meet those in pain, those who **feel excluded** and are **violated**. <...> We need to be together to face the **drama** of our world and build bridges between **the haves and have-nots**, between **those on the road to success** and **those who cannot make it**.*

(COCA: Seek out the weak and the excluded)

В данном контексте поднимается проблема социального неравенства по материальному признаку. Автор речи – водитель – комментирует существенное

материальное расслоение, имеющее место в Чили и более широко – во всем мире, и выражает надежду на то, что разрыв между богатыми и бедными однажды будет нивелирован. Таким образом, герой говорит о двух глобальных социальных группах населения – обеспеченных и необеспеченных людях. Любопытно, что в данном контексте группы «разделены» территориально (бедные жители трущоб проживают по левую сторону, богатые – по правую); символической «границей» между социальными группами становится дорога. Нищие, по словам автора, оказываются «изгоями», не вписывающимися в рамки общества. Их непринадлежность к социуму актуализируется в речи с помощью синтагмы *to feel excluded and violated*. Таким образом, социум становится угрозой для представителей социальной группы необеспеченных людей. Репрезентация отсутствия взаимодействия двух групп происходит с помощью метафорического выражения *nobody crosses this road*. Противопоставление групп бедных и богатых также многократно актуализируется в речи героя с помощью антонимов и приема антитезы: *on the left of this road are all the slums of Santiago; on the right are the houses of the wealthy, protected by police and the military; the haves and have-nots; those on the road to success and those who cannot make it*. Описанное положение дел автор характеризует как мировую трагедию (*the drama of our world*). Герой видит решение проблемы во включении представителей социальной группы бедных в общество или, по крайней мере, в их взаимодействии (*build bridges*). При этом проблема, по мнению героя, может быть решена при действии всей группы (социума). Это актуализируется в речи автора с помощью личных местоимений *we, our, us: all of us, we need to be together, drama of our world*.

В примере №16 непринадлежность героя к группе также связана с социальным неравенством, имеющим место в социуме.

Пример № 16

He knows what it means to work for your dream, to not have it handed to you on a silver platter, he knows what it means to struggle, to not belong to the privileged elite, to be American but feel like an outsider – his administration ceased the deportation of children of immigrants and made it possible for them to try and get an education or a job. He believes in equal rights for all Americans – even where marriage is concerned – and that America is for everyone in it.

(COCA: *Why I Care Whether Obama Wins Or Not*)

В данном контексте речь идет об экс-президенте США Бараке Обаме. Объясняется, как некоторые факты его биографии (происхождение, принадлежность к «простой» семье) повлияли на его политику. Описывая детство и молодость Б. Обамы, автор высказывания говорит о непринадлежности будущего президента к привилегированным слоям общества, с одной стороны, и ощущении себя «чужим» среди американцев – с другой. Таким образом, герой не принадлежит к двум группам – к группе «избранных» по материальному признаку и статусу в обществе (*the privileged elite*), и к группе расового большинства. Репрезентация непринадлежности героя к социальным группам в данном случае осуществляется с помощью глагола *to belong (to/with)* в отрицательной форме, а также синтагмы *to feel like an outsider*. Отметим, что предложение, в котором говорится о жизни Б. Обамы до начала политической карьеры, построено по принципу градации, «нарастания» – автор речи перечисляет сложности, с которыми сталкивался будущий президент; и в данной цепи наиболее «весомыми» проблемами становятся именно непринадлежность героя к группам: *He knows what it means to work for your dream, to not have it handed to you on a silver platter, he knows what it means to struggle, to not belong to the privileged elite, to be American but feel like an outsider.*

Пример №17, в котором речь идет уже о нынешнем президенте Соединенных Штатов – Дональде Трампе, является еще одним показателем того, что проблема социального неравенства, непринадлежности к элите – частое явление в американском обществе.

Пример №17

*...as somebody's weakness whether it's a disability or height or, you know, whatever it is and, I mean, he goes for that which as, you know, a candidate's one thing, again as president, it's interesting. MARIA-CARDONA, -DEM <...> Yes, and what did we all learn in junior high and high school is that **the person who is the biggest bully is the person who is the most insecure and that they are trying to prove something.** We all know the stories about Donald Trump, how he's always **tried to fit in, he always wanted to be part of New York elite and he never quite got there.** He has always tried to prove and in politics recently in this election, always tried to prove that this election*

was legitimate...
(COCA: *Trump Not Joking About Tillerson IQ Test*)

Автор высказывания сравнивает образ школьных хулиганов с действующим президентом США. По мнению говорящего, школьные задиры, на самом деле, являются крайне неуверенными в себе людьми, которые пытаются что-то доказать обществу (*the person who is the biggest bully is the person who is the most insecure and that they are trying to prove something*). Таким же автору представляется и Дональд Трамп, который всегда стремился «вписаться» в привилегированные слои Нью-Йорка, однако в действительности ему это так и не удалось. Желание Трампа принадлежать к нью-йоркской элите актуализируется с помощью глагола *to fit in* в сочетании с предикатом *to try*, обозначающим попытку, а также синтагмы *to be part of New York elite* в сочетании с предикатом желания *to want*.

В следующем примере своего рода «разделительной чертой» между представителями разных социальных групп становится образование.

Пример № 18

MASON: *Architecture had to come naturally to Tadao Ando because he wasn't taught it. He never went to college, never went to architecture school. His career has been self-constructed, remarkable in the notoriously regimented Japanese society known to have little tolerance for eccentrics. I've heard you called an outsider in your own country. How – how do you see yourself perceived within Japan? Mr-TADAO-ANDO-1Ar: I think I am an outsider. People here expect you to have the right education. Even now, I don't think I am fully accepted.*
(COCA: ARCHITECT; SELF-MADE JAPANESE ARCHITECT WHOSE WORKS ARE BECOMING WORLD RENOWNED)

В данном интервью с успешным архитектором из Японии герой говорит о том, что не получил традиционного образования, что не соответствует японским традициям. В связи с этим, несмотря на свой успех, он не до конца «принимается» в Японии (*I think I am an outsider. I don't think I am fully accepted*).

Индивид, не получивший традиционное образование, очевидно не разделяет стереотипные ценности группы «большинства». Непринадлежность к группе «большинства» в данном случае актуализируется посредством лексемы *outsider*, а также синтагмы *to be fully accepted*, употребленной в отрицательной

форме. Герой говорит о ценностно-стереотипных ожиданиях, имеющих место в обществе (*People here expect you to have the right education*) и констатирует факт своей непринадлежности из-за несоответствия данным ожиданиям.

Целый ряд анализируемых примеров (14%) касается темы людей с ограниченными возможностями. Рассмотрим некоторые из них.

Пример № 19

*It's not just that I miss the things I used to do, it's the **feeling of being excluded** that is so hard to bear. And I'm not alone in that. New research published by charity Scope shows **half of disabled people feel excluded from society**. One place I no longer **feel excluded** is behind the wheel; because, for me, **driving equals freedom**. When I first passed my test at 17 it changed my life and opened up a world of possibilities. So, when I found out that, as a paraplegic, driving a car was still something I could do, it was a goddamn revelation.*

(Google: *Half of disabled people feel left out by society but driving makes me feel included Read more*)

В данном контексте автор речи – человек с ограниченными возможностями. Его проблема со здоровьем – не врожденная, а приобретенная. Из-за приобретенной инвалидности герой перестает ощущать себя полноценным членом общества и «примыкает» к группе «других» в силу несоответствия физических возможностей. Ощущение непринадлежности автора к социуму актуализируется в его речи с помощью синтагмы *to feel excluded (from)*. При этом герой старается «приобщаться» к группе «полноценных» членов социума, «возвращая» в сферу своих занятий те, которые были привычны ему до болезни. Так, за рулем автомобиля герой перестает ощущать свою непринадлежность: *One place I no longer feel excluded is behind the wheel; because, for me, driving equals freedom*. Автор отмечает, что вождение автомобиля для него означает свободу – вероятно, включающую свободу от стереотипного восприятия людей с ограниченными возможностями как «чужих», характерного для общества.

В следующем примере также идет речь о приобщении индивидов с физическими ограничениями к социуму.

Пример №20

*My goal is to not only help them succeed at their jobs, but also to push their limits so they can take on new challenges. Many of these clients have also had a lifetime of people expecting less of them because of their **disabilities**; we need to encourage them to **expect more of themselves** in order to give them the best chance of rising to their full potential. <...> One thing that is unique about my*

job is that my clients are also considered staff members. If we can encourage individuals with disabilities to feel included in the workplace, then they will not only perform the expected workplace tasks, but may rise beyond the challenges of that particular job.
(COCA: Raising Expectations for Supported Employment)

В данном случае автор речи – представитель группы «большинства» – рассуждает о способах «приобщения» людей с ограниченными возможностями к группе «полноценных» членов общества. По его мнению, ощущение принадлежности индивидам с ограниченными возможностями могут дать члены социума, подключая их к рабочей деятельности (*to feel included in the workplace*). Таким образом, через принадлежность к «рабочей группе» индивиды могут ощущать включенность в социум (*My goal is to not only help them succeed at their jobs, but also to push their limits so they can take on new challenges*). Ощущение принадлежности актуализируется в речи автора через синтагму *to feel included*. Репрезентация приобщения к группе «большинства» происходит с помощью выражений *to push their limits; take on new challenges, rise to their full potential*.

В отличие от предыдущих примеров, в примере №20 тема ограниченных возможностей индивида не является центральной, и его непринадлежность к группе определяется преимущественно другими факторами.

Пример №21

I have always known that I was adopted from the time I was very young because my mom was always open about my adoption and also, it was obvious. My parents, Gloria and Bill, were both dark-haired. My sister, their only biological daughter, was a replica of them, whereas I stood out with my skinny frame and light brown hair, and I was only deaf member of my family. I felt like an outsider on so many different levels and often found myself feeling isolated. <...> I didn't know which was worse – to be adopted or to be deaf. I didn't look like my family, and I talked funny. I didn't fit in; it all sucked. I loved my family, but I was jealous of them. My mom knew this and always made it clear that if I ever chose to search for my birth mother, she would support me 100%.
(COCA: Opening a Can of Worms)

Как видно, в данном контексте речь идет не о социуме вообще, а о малой социальной группе – семье. Герой – усыновленный ребенок с ограниченными возможностями (глухой).

Таким образом, ощущение непринадлежности к своей семье связано сразу с несколькими факторами (*I felt like an outsider on so many different levels*),

важнейшие из которых – отсутствие кровного родства (в большей степени) и ограниченные возможности в силу проблем со здоровьем. При этом непринадлежность героя не только внутренняя, но и внешняя – он единственный в своей семье обладает светлым оттенком волос, единственный разговаривает «особенным образом», в силу своей глухоты. Данный пример встает в один ряд с теми контекстами (примеры №5, 14, 16), в которых герой фактически принадлежит к группе (здесь – является полноправным членом семьи), однако остро ощущает свою эксклюзию в силу некоторых объективных факторов (*I didn't look like my family, and I talked funny*).

Ощущение непринадлежности героя актуализируется в его речи с помощью разнообразных лексических средств – в частности, синтагм *stood out, I felt like an outsider, often found myself feeling isolated, I didn't fit in*. Такое разнообразие лексических способов репрезентации непринадлежности свидетельствует об остром восприятии героем данного положения вещей. Наряду с нейтральными способами актуализации отношения к невключенности героя в группу, автор речи использует экспрессивные выражения (*it all sucked*).

Положение героя порождает противоречивое восприятие им его семьи, что актуализируется в речи с помощью сложносочиненного предложения с противительным союзом *but: I loved my family, but I was jealous of them*. Симптоматично использование автором местоимений *I* и *them* при описании семьи, дополнительно актуализирующих оппозицию «свой-чужой», и неиспользование «объединяющего» местоимения *we*. Чувство эксклюзии автора также подчеркивается лексемой *only: and I was only deaf member of my family*.

Примечательно, что мать героя также ощущает его непринадлежность к семье и не препятствует его поиску биологических родителей, то есть более «гармоничной» группы для автора.

Как видим, репрезентация эффекта принадлежности к группе по иным признакам осуществляется с помощью средств, выявленных ранее в ходе анализа. При анализе данной группы контекстов наиболее ярко проявилась

следующая тенденция: при описании социальных групп, разрыв между которыми существенен и нелегко искореним, авторы речи активно используют прием антитезы и антонимические ряды.

Выводы по главе 2

Во второй главе исследования был проведен комплексный анализ лингвистических средств, используемых для репрезентации социальной принадлежности в английском языке. По результатам анализа можно сделать следующие выводы:

1. В значении лексем, наиболее часто используемых в научной литературе для выражения понятий социальной принадлежности, инклюзии и эксклюзии (*to belong to/with, to fit in, to feel included, to feel excluded, an outsider, a stranger*), содержится отсылка к групповой принадлежности, а также указание на чувства, которые испытывает индивид в результате принадлежности к определенной группе.
2. В отобранных контекстах наиболее часто ставится вопрос возрастной и национальной принадлежности.
3. Зачастую в рассмотренных контекстах речь идет о желании и невозможности героя принадлежать к некоторой группе априори. В таких случаях можно говорить о процессах приобщения к группе, подражания группе, взаимодействия с ней.
4. Глаголы, апеллирующие к социальной принадлежности, зачастую используются с предикатами желания и необходимости (*want to, wish to, need to*), модальными лексемами желания (*desire to*) и другими лексическими средствами, указывающими на безусловную значимость принадлежности для индивида.
5. Оппозиция «свой-чужой» актуализируется за счет антонимических рядов, местоимений 1 и 3 лица, приема антитезы. При этом, чем больше разрыв между группами, тем более насыщена речь автора высказывания данными средствами.
6. Чем более остро стоит вопрос принадлежности для автора высказывания, тем больше средств используется им в речи (экспрессивная лексика, риторические вопросы, прием парцелляции и др.).

Заключение

В настоящей работе представлены результаты исследования языковых способов актуализации эффекта социальной принадлежности в английском языке.

Социальная принадлежность является одной из базовых человеческих потребностей и заключается в желании человека общаться, иметь социальные связи и быть «принятым» социумом. О безусловной значимости социальной принадлежности для индивида свидетельствует включение данного феномена в модели человеческих потребностей А. Маслоу и К. Альдерфера. Потребность в принадлежности к какой-либо группе реализуется путем самоотождествления индивида с какими-либо идеями и ценностями и разделения окружающего мира на «своих» и «чужих».

Будучи важнейшей потребностью человека, социальная принадлежность находит широкое отражение в речи. В ходе исследования было выявлено, что «включение» индивида в определенную группу и «исключение» из нее зависит от различных факторов: возрастных, национальных, гендерных, религиозных и т.д. При этом, очевидно, наиболее острыми (об этом свидетельствует процентное соотношение контекстов) для социума являются вопросы возрастной и национальной принадлежности. Такая тенденция представляется не случайной: испокон веков в мире возникали конфликты на национальной почве и поднималась проблема «отцов и детей».

Эффект социальной принадлежности и обратный ему эффект непринадлежности актуализируется в английском языке с помощью разнообразных языковых средств. Особое внимание обращает на себя тот факт, что глаголы, апеллирующие к теме принадлежности, зачастую используются в речи в сочетании с предикатами желания, потребности и другими лексемами, указывающими на значимость инклюзии для индивида.

Отдельного внимания заслуживает репрезентация в речи стереотипных и

ценностных представлений, за счет которых зачастую происходит отождествление индивида с группой.

Принадлежность к группе – сложное социальное явление. Невозможность принадлежать к социальной группе зачастую вынуждает индивида использовать различные способы интеграции – подражание, приобщение к группе, взаимодействие с ней.

В контекстах, затрагивающих вопрос социальной принадлежности, находит воплощение феномен бинарности мира. Этим объясняется насыщенность рассмотренных примеров антонимами и другими лингвистическими способами репрезентации оппозиции «свой-чужой». Отчасти этим продиктовано и использование экспрессивных средств, поскольку вопрос противостояния социальных групп не может оставить индивида равнодушным.

В связи с недостаточной изученностью языковой актуализации эффекта социальной принадлежности, в дальнейшем представляется интересным провести сопоставительный межъязыковой и межкультурный анализ лингвистических средств выражения принадлежности к группе с привлечением материала из других языков.

Литература

1. Авдони́на Н.С. К проблеме определения компонентов структуры профессиональной идентичности // Гуманитарные исследования, №3, 2017. С. 127-131.
2. Авдуюевская Е.П. Принадлежность к группе и самовосприятие личности // Вопросы психологии №3, 1990. С. 144-150.
3. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: Издательство Московского университета, 1990.
4. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010.
5. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции "свой-чужой" в британском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013.
6. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учеб.пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2000.
7. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. – М.: Аспект пресс, 2001.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999.
9. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... док. филол. наук. Волгоград, 2004.
10. Балич Н.Л. Социальная идентичность: теоретико-методологические основания социологического анализа // Социологический альманах №4, 2013. С. 214-220.
11. Балясникова О.В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур. – Дисс...канд. фил. наук. Москва, 2003.
12. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. – М.: Издательский центр РГГУ, 2001.

13. Бородкин Ф.М. Социальная эксклюзия // Социологический журнал, вып. 3, 2000. С. 5-17.
14. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. – Уфа: РИО БашГУ, 2006.
15. Вилинбахова Е.Л. Стереотип в лингвистике: объект или инструмент исследования? // Проблемы языка: сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», Москва, 2012. С. 19-28.
16. Гайдар К. М. Феномен идентичности группового субъекта // Вестник Томского государственного педагогического университета, вып. 11, 2009. С. 148-154.
17. Гвоздева М.А., Казакова М.В. Теоретические основы мотивации государственных служащих. – Москва, 2016.
18. Гибатова Г.Ф. Аксиология в языке // Вестник ОГУ, №2, 2011. С. 127-132.
19. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.
20. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.
21. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. – М.: Издательство политической литературы, 1967.
22. Дьяконов И.Ю., Бутовская М.Л. Психологические особенности и эмоционально-ценностная сфера у нищих // Вопросы психологии, №3, 2003. С. 83-91.
23. Дюркгейм Э.О. О разделении общественного труда. – М.: Наука, 1991.
24. Емельянова О.В. К вопросу о выражении групповой идентичности в английском языке // Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 80-83.
25. Емельянова О.В. Категоризация и самокатегоризация в контексте социальной эксклюзии // Принято в печать, 2020.

26. Ехлакова Н.Ф. Персуазивные синтаксические средства актуализации оппозиции «свой»/«чужой» в предвыборном президентском политическом дискурсе Б.Обамы (на примере избирательных кампаний 2008 и 2012 гг.) // Филологические науки, 2017. С. 83-89.
27. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999.
28. Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности. – Дисс...канд. псих. наук. Ярославль, 2003.
29. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. – М.: Наука, 1982.
30. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
31. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984.
32. Королева Т.А. Лингвистические средства реализации социальной оппозиции «свой-чужой» в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, №5, 2017. С. 85-88.
33. Костинская А.Г. Концепция социальной идентичности и групповые решения // Мир психологии, № 1, 2003. С. 186-198.
34. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
35. Крушельницкая О.Б. Социальная психология образования. – М.: Вузовский учебник, НИЦ ИНФРА-М, 2015.
36. Крысин Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 129-135.
37. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии, №4, 1996. С. 5-23.
38. Лукьянов О.В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире. – Автореф. дисс...док. псих. наук. Томск, 2009.

39. Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация – М.: Логос: Гнозис, 2010.
40. Маслиева С.Н. Интеграция и инклюзия: парадигмальная характеристика // Историческая и социально-образовательная мысль, №2, 2014. С. 159-165.
41. Мед Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи): автореф. дис. ... док. филол. наук. СПб, 2008.
42. Наумова Н.Г. Система ценностей П.И. Чичикова: языковой аспект характеристики (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // *Linguistica juvenis: Дискурсивные практики в социокультурном аспекте: Сб. науч. тр. мол. уч. Вып. 10.* Екатеринбург, 2008. С. 60-66.
43. Наумова Н.Г. Система ценностей человек как объект лингвистического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, №1, 2016. С. 237-244.
44. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Издательство МГУ, 1973.
45. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987 гг. М., 1989. С. 54-82.
46. Петров В.Н., Кантемирова И.Б. Феномен социальной эксклюзии/инклюзии в аспекте образовательной деятельности детей с ограниченными возможностями // Вестник АГУ, вып. 2, 2019. С. 129-137.
47. Платонов Ю.П. Групповые эффекты и методы повышения эффективности совместной работы. – Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий, 2008. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4934>
48. Почебут Л.Г., Мейжис И.А. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2010.
49. Прохоров Е.Ю., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2006.

50. Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета, вып. 1, 2005. С. 13-17.
51. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993.
52. Серебренникова Е.Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М., 2011.
53. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 2000.
54. Столин В.В. Самопознание личности. – М.: Издательство Московского Университета, 1983.
55. Суворов А.В. Проблема внутренней и внешней инклюзии // Психологическая наука и образование, №3, 2013. С. 99-103.
56. Тернер Дж. Социальное влияние. – СПб.: Питер, 2003.
57. Третьякова Т.П. О лингвистической интерпретации современных стереотипов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-lingvisticheskoy-interpretatsii-sovremennyh-stereotipov/viewer>
58. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. – СПб.: Питер, 2008.
59. Шкурко Т.А. Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей // Вестник Томского государственного университета, 2011. С. 177-184.
60. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996.
61. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России, №3-4, 1995. С. 158-181.
62. Alderfer, C. Existence, relatedness, & growth // New York: Free Press, 1972.
63. Biernat M., Crandall C.S. Stereotyping and contact with social groups: measurement and conceptual issues // European Journal of Social Psychology, Vol. 24, 1994. P. 659-678.

64. Breakwell G.M. Social representations and social identity // Papers on Social Representations – Textes sur les Représentations Sociales (1021-5573) Vol. 2 (3), 1993. P. 1-20.
65. Erikson E. Childhood and society. – London: Paladin Grafton Books, 1987.
66. Heaven P.C.L., Greene R.L. African Americans' stereotypes of Whites: relationships with social dominance orientation, right-wing authoritarianism, and group identity // The Journal of Social Psychology, Vol. 141, 2001. P. 141-143.
67. Hewstone M., Giles H. Social groups and Social stereotypes in intergroup communication // Intergroup communication / Ed. by W.B. Gudykunst. Edward Arnold Limited, 1986. P. 10-26.
68. Huitt, W. Maslow's hierarchy of needs. Educational Psychology Interactive. Valdosta, GA: Valdosta State University, 2007. URL: <http://www.edpsycinteractive.org/topics/regsys/maslow.html>
69. Maslow, Abraham Harold. Motivation and personality. – New York: Harper & Row, 1970.
70. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political Psychology. – New York: Psychology Press, 2004. P. 276-293.

Список использованных словарей

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary: [сайт]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 02.04.2020)
2. Longman Dictionary Of Contemporary English Online: [сайт]. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 02.04.2020)
3. Merriam-Webster Online: [сайт]. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 02.04.2020)
4. Oxford Learner's Dictionaries: [сайт]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 02.04.2020)

Источники материала

Пример №1

David Mitchell “Black Swan Green”

Пример №2 (СОСА)

Source ACAD: Journal of Adolescent & Adult Literacy

Date 2013

Publication information Oct2013, Vol. 57 Issue 2, p121-130. 10p. 2 Diagrams, 1 Chart.

Title Adolescent Reading/Viewing of Advertisements

Author Begoray, Deborah; Higgins, Joan Wharf; Harrison, Janie; Collins-Emery, Amy;

Пример №3 (СОСА)

Source BLOG <http://psa.blastmagazine.com/2008/08/23/twilight-a-follow-up-and-a-promise/>

Date 2012

Title Twilight: A Follow-Up, and a Promise

Пример №4 (BNC)

Date (1985-1994)

Title [Health promotion and education leaflets]. u.p., n.d., pp. ?? 2064 s-units.

Пример №5 (СОСА)

Source NEWS: New York Times

Date 2014 (140304)

Publication information Section A; Column 0; National Desk; Pg. 1

Title Cities Mobilize to Help Those Who Held Out

Author By TIMOTHY WILLIAMS

Пример №6 (СОСА)

Source MAG: Smithsonian

Date 2013

Publication information Oct2013, Vol. 44 Issue 6, p76-88. 13p. 9 Color Photographs, 3 Black and White Photographs.

Title AMERICAN ENIGMA

Author SOLOMON, DEBORAH;

Пример №7 (СОСА)

Source ACAD: Southwest Review

Date 2008

Publication information 2008, Vol. 93 Issue 1, p123-134, 12p

Title Confessions of a Lapsed Vegetarian.

Author Brennan-Jobs

Пример №8 (СОСА)

Source MAG: The Atlantic

Date 2018 (18-08-31)

Title The 'Whitening' of Asian Americans

Пример №9

David Mitchell “Black Swan Green”

Пример №10 (СОСА)

Source MAG: Ebony

Date 2007 (Aug)

Publication information Vol. 62, Iss. 10; pg. 94, 3 pgs

Title THE NEWS FROM PARIS

Author Lester Sloan

Пример №11 (СОСА)

Source MAG: Smithsonian

Date 2014

Publication information Apr2014, Vol. 45 Issue 1, p25-30. 6p. 5 Color Photographs.

Title Manchester's Melting Pot

Author HALPERN, SUE; MCKIBBEN, BILL;

Пример №12 (Google)

Source: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jul/30/sparew-rib-reader-book>

Title: How a feminist anthology taught me that outsiders can pull together?

Author: Mark Haddon

Пример №13 (СОСА)

Source BLOG <http://richardwiseman.wordpress.com/2010/07/13/which-of-these-is-the-most-distasteful/>

Date 2012

Title Which of these is the most distasteful? « Richard Wiseman

Пример №14 (BNC)

Source BLOG <http://livingwithjoy.wordpress.com/2012/05/03/a-bit-of-a-rant/>

Date 2012

Title A Bit of a Rant | Living With Joy

Пример №15 (СОСА)

Source MAG: U.S. Catholic

Date 2013

Publication information May2013, Vol. 78 Issue 5, p18-19. 2p. 1 Color Photograph.

Title Seek out the weak and the excluded

Author Vanier, Jean;

Пример №16 (СОСА)

Source BLOG <http://blogsmw.wordpress.com/2012/09/12/why-i-care-whether-or-not-obama-wins/>

Date 2012

Title Why I Care Whether Obama Wins Or Not | Subha's Blog

Пример №17 (СОСА)

Source SPOK: ANDERSON COOPER 360 DEGREES 9:00 PM EST

Date 2017 (171010)

Title Source Close To WH: Trump Not Joking About Tillerson IQ Test; Trump Falsely Claims Sen. Corker Set Up By NY Times; Explosive New Allegations Against Harvey Weinstein; Obamas, Clinton Condemn Harvey We

Пример №18 (СОСА)

Source SPOK: CBS_SunMorn

Date 1998 (19980215)

Title ARCHITECT; SELF-MADE JAPANESE ARCHITECT WHOSE WORKS ARE BECOMING WORLD RENOWNED

Пример №19 (Google)

Source: <https://metro.co.uk/2018/08/23/half-of-disabled-people-feel-left-out-by-society-but-driving-makes-me-feel-included-7871872/>

Title: Half of disabled people feel left out by society but driving makes me feel included

Author: Will Pike

Пример №20 (СОСА)

Source WEB <http://www.autismspeaks.org/blog/2012/11/13/raising-expectations-supported-employment>

Date 2012

Title Raising Expectations for Supported Employment | Blog | Autism

Пример №21 (СОСА)

Source BLOG <http://www.chicagonow.com/portrait-of-an-adoption/2012/11/opening-a-can-of-worms/>

Date 2012

Title Opening a Can of Worms | Portrait of an Adoption